

Петров
Последняя советская драма
в 3-х актах, 11-ти сценах

Предисловие автора

Акт 1. Производственный

Сцена 1. Пролог

Сцена 2. Партком

Сцена 3. Общепит

Акт 2. Театральный

Сцена 4. «Сцена 5»

Сцена 5. Гримерная

Сцена 6. Театральный буфет

Акт 3. Новогодний

Сцена 7. Установка

Сцена 8. Кухонная

Сцена 9. Постельная

Сцена 10. Праздничная

Сцена 11. Финал

Список литературы

Автор. Уважаемые читатели и зрители! Товарищи! Обычно, пьесы не требуют пояснений — пьесы говорят сами за себя. Тем не менее, позвольте сделать небольшое **вступление**. Эта пьеса — «Последняя советская драма» — реквием по всей советской драматургии, безвременно ушедшей от нас вместе с СССР. Конечно, некоторые советские пьесы продолжают идти в театре, некоторые ставятся вновь и, даже, переиздаются. Но это исключения — большинство советских пьес ушли на «свалку» литературы, театра и истории и покоятся на «театральном кладбище», часто в безымянных или братских могилах. На взгляд автора, это совершенно не справедливо. Советские драмы и комедии образуют огромный и особый мир, как минимум заслуживающий тщательного изучения и сохранения. В идеале, вся советская драматургия требует своеобразного театрального и внетеатрального воскрешения.

Одной из попыток такого воспоминания-воскрешения и является данная пьеса. Она отражает последний этап **жизни** СССР, перед самым развалом Союза. Главный герой пьесы — Драматург — мучительно пытается написать финал своей пьесы, возможно, последней советской драмы. Лексическое ядро пьесы составляют названия советских пьес. Это более 500 названий пьес из примерно 6000 известных автору, что составляет около 15% лексического состава от всего текста драмы. Выбранные названия пьес выделены синим цветом. В дальнейших планах автора сделать эти упоминания гиперссылками, которые ведут от названий пьес к сведениям о них и/или к их текстам.

В качестве реплик часто используются прямые **цитаты** из статей советских драматургов и театральных деятелей, воспоминаний, материалы официальных документов, радио- и телепередач. Прямых ссылок на цитаты не дается (это все-таки художественное произведение!), источники цитат, а также другие материалы, приведены в списке литературы. Цитат же и аллюзий из самих советских пьес нет, как нет упоминаний и имен драматургов. Исключением является полностью вставная сцена из пьесы Александра Афиногенова «Машенька».

Спасибо за внимание! Переходим к самой пьесе — «Последней советской драме».

Действующие лица

Драматург.

Мария, его домработница — 64 лет.

Мария Николаевна, его жена, красивая женщина без возраста — не важно, сколько лет.

Маша, его дочь, маленькая студентка — 17 лет.

Машенька, актриса — 38 лет.

Марьяна, секретарь секретаря парткома — 19 лет.

Секретарь парткома — много-много лет партийного стажа.

Бригадир — на заводе с 16 лет.

Главный инженер — в должности совсем немного лет.

Сотрудник органов — сколько положено лет.

Директор столовой — сколько дадут, столько и лет.

Хапугин, кооператор — 41 год.

Кашпировский Анатолий Михайлович, психотерапевт — 50 лет.

Сосед по столу в театральном буфете — юных лет.

Соседка по столу в театральном буфете — еще более юных лет.

Олег Николаевич Ефремов, знаменитый советский режиссер и актер — 62 лет.

Роли Ефремова:

Жан Батист Поклен де **Мольер**, знаменитый драматург и актер.

Николай I.

Александр Сергеевич **Пушкин**.

Федор Иванович Бороздин, врач — 57 лет.

Жарков Андрей Тимофеевич — 62 лет.

Потапов Василий Трифонович — 47 лет.

Зилов.

Персонажи пьесы «**Машенька**»:

Окаемов Василий Иванович — 70 лет.

Маша, его внучка — 15 лет.

Виктор, сын Павла Павловича Туманского — 16 лет.

Нина Александровна — 30 лет.

Леонид Борисович — 35 лет.

Мотя — 50 лет.

Галя — 13 лет.

Леся — 16 лет.

Рабочие и ИТР завода, актеры и актрисы, режиссер, работники театра, театральная публика, школьники, соседи, гости — кого только не встретишь в театре накануне Нового года.

Акт 1. Производственный

29 декабря 1989 года, пятница.

Сцена 1. Пролог

В Москве раннее утро, еще темно. Квартира на *шестом этаже* «сталинского» дома. Слышно, как идут часы — «*тик-так, тик-так*», тихо работает радио. В кабинете один *хозяин* — Драматург, он устал за *ночь* и дремлет за письменным столом, заваленным бумагами. Литератор что-то бормочет во сне. Входит домработница Мария. Косится на *красный угол*, в котором расположены не модные в *наши дни* иконы, а *портреты советских драматургов*.

Мария (*тихо*). Умаялся, родненький... Он ведь мне как *сын*, хоть и Драматург. Нечто можно так о себе не заботиться? Вчера вечером, в четверг, собрались *верные друзья*, потрапезничали, водочки выпили, как полагается. Нет, чтобы потом, как все, лечь спать, наш-то всю *ночь* опять думал, пьесу писал... А зачем пьесы эти вообще пишут? Одна болтовня в них, нешто в жизни разговоров мало? Вот и сейчас что-то во сне бормочет, как сам не свой, да чужими голосами... Ишь ты, даже радио забыл выключить.

Радиоприемник. Совет Министров СССР утвердил состав Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. Среди членов комиссии Ефремов Олег Николаевич — актер, художественный руководитель — *директор* Московского Художественного академического театра СССР имени Максима Горького (сцена в проезде Художественного театра), первый секретарь правления Союза театральных деятелей СССР, народный артист СССР, депутат Съезда народных депутатов СССР.

Драматург (*просыпается, себе*). Надо же такому привидится, прямо *мистерия-буфф* какая-то.

Мария (*тихо, себе*). Что? Опять у Марии Николаевны истерика? Уф-ф...ф, а еще и семи утра нету... У нас такие домашние баталии идут, прямо *окопы в комнатах*.

Драматург (*не замечая Марии*). Ну вот моя пьеса почти закончена. Осталась последняя, финальная сцена, ну и *опечатки* исправить. Надо в этом году закончить.

Мария (*тихо*). *Конец недели*, конец года. Сегодня пятница, двадцать девятое декабря, *завтра суббота*, тридцатое, послезавтра воскресенье, тридцать первое. *Всего три дня* до Нового 1990 года. (*Чуть слышно бормочет.*) Пятница, суббота, воскресенье — *великие дни*. (*Драматургу.*) Здравствуйте! Чай будете? С *малиновым вареньем*.

Драматург. А, Маша, это ты? Прости не заметил, как ты вошла. Доброе утро!.. Да я еще и вчерашний не допил — уж больно голова болит. Ты, Маша, мне лучше «Ессентуки» принеси.

Мария. Вам какой номер?

Драматург. Любой. Сейчас не важно.

Мария уходит. В кабинет врывается Мария Николаевна — жена Драматурга.

Мария Николаевна. Нам надо серьезно поговорить.

Драматург. Давай не **сегодня**. В программе поездка на **завод**, надо пьесу показать в парткоме, обсудить детали. **Большой день** у меня сегодня.

Мария Николаевна. У тебя вечно отговорки. То театр, то завод. Ни на меня, ни на почти взрослую **нашу дочь**, ни на **дом** времени нет.

Драматург (*с некоторой иронией*). А что дом? Отличный дом, «сталинский», еще сто лет простоит.

Мария Николаевна. Не смей этот дом называть «сталинским», не могу в нем больше жить. Ненавижу этого упряя усатого, сколько десятков миллионов человек загубил, **диктатор**... Ты хоть бы слесаря вызвал — не трубы в этом, насквозь прогнившем доме, а сплошная **ржавчина**. Давно пора **ремонт** делать. А лучше — снести.

Драматург. Вообще-то Маша, эту квартиру твой **отец** получил. Между прочим, лауреат Сталинской премии.

Мария Николаевна. Не смей трогать мою квартиру и моего папу. И да, у него была Сталинская премия. Даже две. А у тебя не то, что Ленинской, даже захудалой Государственной премии РСФСР имени К.С. Станиславского нет. А ведь стоило Олегу Николаевичу только слово сказать...

Звонит белый телефон.

Мария Николаевна. Опять твои друзья-драматурги чуть свет звонят, похмеляться в Дом актера Всесоюзного театрального общества зовут? (*Берет трубку, говорит зло.*) Ну, кто еще там? (*Резко меняет тон.*) Ах, из Московского театра юного зрителя. Да, конечно, сейчас позову.

Драматург (*слушает внимательно, багровеет*). Нет, и еще раз нет! Никаких откровенных сцен в пьесе не будет... Да понимаю, что веление времени... Да, сам был молодой... Да,

понимаю, что говорю. Да, готов положить **партбилет** на стол — хотя не вы его давали, не вам и забирать. До свидания.

Мария Николаевна. Как ты смеешь так разговаривать с режиссером, да еще с **женщиной**?

Драматург. Ну сама посуди. Они опять требуют осовременить мою пьесу, хотя и не читали. Ввести, так сказать, постельную тему для привлечения **молодежи**. А ведь театр — не **вертеп**, это храм искусства... Да и не умею я писать постельных сцен...

Мария Николаевна. Не умеет он... Да что ты умеешь? Хотя, вон с этой театральной Машенькой вон уже сколько крутишь.

Драматург. У меня с ней ничего серьезного не было. Только читки, да репетиции, да прогоны.

Мария Николаевна. Тебя самого давно пора прогнать. Да и куда тебе «серьезного». Ты не то, что театральный роман не можешь сочинить, ты одноактную пьесу до конца довести не можешь.

Опять раздается телефонный звонок.

Драматург (*берет трубку, слушает*). Нет, я же сказал, никаких сношений в пьесе не будет. (*Меняет тон.*) Ах, это председатель Отдела Внешних Церковных Сношений говорит... Здравствуйте, м-м-м... Понял, можно просто, Владимир Михайлович... Да, Владимир Михайлович, ясно. Необходимо, чтобы в сталелитейном цехе висела икона, а **герой** и героиня до венчания не имели сношений... А как же МТЮЗ? Понял, с Московским горкомом партии вы уже вопрос утрясли... С наступающим Новым годом! Ах да, у вас же все по-старому. Обязательно поздравлю через **шестнадцать дней**! До **встречи**, Владимир Михайлович, привет супруге.

Мария Николаевна (*смягчаясь*). Горе ты мое необразованное, ну откуда у монаха супруга?.. А все-таки это добрый знак, звонок епископа Кирилла, — настоящее **чудо**.

Драматург. Про супругу по инерции сказал... Невозможно работать в таких условиях... Все чего-то требуют. То секс, то икону, то безалкогольный Новый год... Но, честно говоря, не ожидал, что моя новая, еще не оконченная пьеса вызовет столько внимания... Все, опаздываю.

Мария Николаевна (*назидательно*). А ты как думал? Перестройка, гласность и ускорение... (*Кричит.*) Маша, срочно подготовь **новый костюм** и **красный галстук**... тот французский... (*Драматургу.*) А ты **ключи от дома** не забудь.

Драматург быстро уходит. Из прихожей слышится голос Марии: В добрый час, сыночек!

Снова раздается телефонный звонок.

Мария Николаевна. Ну сколько можно названивать, да еще с утра? Надо телефон с **автоответчиком** купить...

— Ох, здравствуйте, Олег Николаевич!

— Спасибо, и вас с Наступающим!

— Нет, мой уже ушел, **вернее**, убежал на завод.

— Пьеса? Да, мы почти закончили. Кроме финальной сцены, мы над ней еще работаем, даже по ночам.

— Ах, вам тоже звонили из... И из... самого верха звонили? Да, понимаю, **все не так просто**... время такое... Что же нам делать?

— Главное — действовать. Так и передам.

— Напомнить, чтобы **завтра** обязательно был в театре. Не расслышала, в каком театре?

— Все равно в каком. Записала, передам.

— А Вы на Новый год к нам не сможете прийти?.. Понимаю, Голубой огонек... Обязательно будем смотреть и на видак запишем.

— А на **Старый Новый год** не загляните?

— Понимаю, вы в театре... В каком?.. Во МХАТе? Ну надо же.

— Смешно — «Старый Новый год» в Старый Новый год.

— Ну тогда в любой день — **звоните и приезжайте!**

— Спасибо! И вас еще раз с Наступающим! Поздравления супруге, Алле Борисовне, сыну Михаилу и карапузу Никите!

Сцена 2. Партком

Огромный кабинет секретаря парткома очень большого завода.

Входит Драматург.

Секретарь парткома. Вы драматург?

Драматург. Я — Драматург. Добрый день, **товарищ** секретарь парткома!

Секретарь парткома. Здравствуйте, здравствуйте, наш дорогой драматург! **Очень приятно.**

Драматург. Прошу простить, **опоздал** — маленькое **происшествие.**

Секретарь парткома. Надеюсь, не **несчастный случай** на драматургическом, так сказать производстве? **В дороге** задержались? Надеюсь, не **авария**?

Драматург. Да нет, задержал, так сказать, стражник на проходной.

Секретарь парткома. Кто вас посмел задержать? Надо строго наказать виновных.

Драматург. **Пустяки**, **недоразумение** исчерпано.

Секретарь парткома. Встречаемся с вами с большим опозданием. Но лучше поздно, чем никогда... Давайте я вас поближе разгляжу... **Человек с портфелем** — именно так я представлял себе настоящего драматурга, **человека с именем**.

Драматург. Ну что вы. Я **обыкновенный человек**. Можно сказать, **средний человек**.

Секретарь парткома (*подходит к вешалке*). Здесь можно раздеться. Позвольте помочь вам с дубленкой и шапкой — так-сказать, **спец-одеждой** писателя. Вот многие думают, что театр начинается с вешалки... Нет! Театр начинается с литературы-с. Вам, драматургам, и карты в руки... А ваши **замечательные пьесы** — **большой шаг** в современной советской драматургии. Интересно, а с чего начинается пьеса?

Драматург. А пьеса начинается с заголовочного комплекса. Автор дает вещи название — своеобразный ключ к ее прочтению и интерпретации; автор определяет жанр пьесы, то есть сообщает о ракурсе изображения событий и **героев**; наконец, автор представляет читателю действующих лиц, сообщает об их существенных чертах и свойствах, предваряя перечнем персонажей начало действия. Заглавие — первое, что привлекает внимание человека, собирающегося на спектакль, либо намеревающегося прочесть пьесу.

Секретарь парткома. Очень познавательно. Но вообще-то я хотел спросить: «С чего начинается ваша пьеса?».

Драматург. Как же я могу сказать, ведь финал еще не написан. Тут как раз очень важно ваше заинтересованное мнение, ваш совет... Ведь желающих писать пьесы и читать их все меньше. Поэтов тысячи, прозаиков тысячи, а нас теперь мало.

Секретарь парткома. Первых революционеров тоже было мало, небольшая горстка... Несколько слов о том, что сейчас надо писать? Я считаю, что нам нужны, главным образом, пьесы. Я совсем не хочу сказать, что нам не нужны романы, повести, рассказы и очерки; все эти виды литературы, также как и пьесы, имеют огромное значение и также нужны нам. Но мы должны понять, что пьеса, театр — совсем особый вид художественного воздействия на человека. Ни роман, ни повесть, ни рассказ, ни очерк не будут так действовать на восприятие читателя, как будет действовать на зрителя пьеса, поставленная в театре. Кроме того, при ограниченных бумажных ресурсах книга не может охватить всех желающих ее прочесть, и наконец, после восьмичасового рабочего дня не всякий трудящийся может прочесть хорошую, но большую книгу. А ведь мы

заинтересованы в том, чтобы хорошее художественное произведение, помогающее строительству социализма, помогающее переделке человеческой психики в сторону социализма, было доступно миллионам трудящихся. Книга не может еще обслужить эти миллионы. А пьеса, театр — могут. У театра эти возможности неограниченны.

Драматург. Совершенно с вами согласен. Но толстые журналы отказываются печатать пьесы. Альманах «Современная драматургия» выходит только четыре раза в год. Сделали бы хотя бы шесть... Почему в Нью-Йорке 200 театров, в Лондоне 120, в Бухаресте приблизительно 80, а в Москве 24.

Секретарь парткома. Это нам досталось от времени застоя, но мы обязательно углубим театральное дело и вашу новую талантливую пьесу, в частности... Я слышал, что **новый директор** Центрального дома литераторов решил закрыть парикмахерскую, которая была по левую руку, ежели смотреть из Дубового зала ресторана в партком Московской писательской организации. Неужели, все это останется в прошлом?

Драматург. Именно так и может случиться, к великому сожалению... Все же было под рукой — выпить-закусить с **коллегами** по цеху, обсудить книжные новинки с **библиотекарем**; посоветоваться с партией. Наконец, стрижка-брижка **в парикмахерской**... И на тебе, ее закрывают. Но мы идем **боевым курсом**, такую **дискуссию** развернули... Большая группа писателей заявила решительный протест против закрытия парикмахерской, готова отстаивать свою творческую **свободу**.

Секретарь парткома. Главное, действовать! *(Звонит телефон. Драматургу.)* Прошу извинить. *(Показывает Драматургу указательным пальцем вверх.)* Здравствуйте! И вас с Наступающим. Да? он уже у меня, да беседуем, готовим, так сказать почву для дружеского обсуждения, как вы и рекомендовали... Что?! Записываю: камня от камня не оставить. Конец связи... *(Вешает трубку).*

Драматург. **Беспокойная должность** у вас, как погляжу. Я искренне рад, что вы, в лице партии, в курсе проблем современной литературы и драматургии. Наконец, появилась возможность обсудить, мою пьесу с настоящим знатоком. *(Достает из портфеля папку с надписью «ДРАМА».)*

Секретарь парткома *(меняет тон).* Обсудить?.. Пьесу вашу теперь обсуждать никто не собирается, мы ее и вас будем осуждать — судить самым строгим партийным **судом**.

Драматург. **Время судит.**

Секретарь парткома. Да, иной драматург **...опаснее врага**. Вот мы о парикмахерской говорили, а ведь в театре расцветает парикмахерская психология: «Вас не беспокоит?».

Драматург. Ну это ваше, пусть авторитетное, но личное **особое мнение**. Помилуйте, вы же пьесу не читали, а меня видите первый раз в **жизни**. Это какая-то **ошибка**.

Секретарь парткома. Во-первых, все пьесы одинаковые... особенно советские. Во-вторых, от партии ничего не скроешь. Вам, драматургам, доверено самое **грозное оружие** — слово. Более того, это слово, звучащее со сцены — **живое слово**... Что есть пьеса? *(Драматург молчит.)* Чему ваша пьеса учит **народ**? *(Драматург молчит.)* Хорошо. Давайте спросим у нашего народа... Позовем моего секретаря и спросим насчет вашей, так называемой драмы, организуем, так сказать **очную ставку**. Заодно она и протокол вести будет.

Драматург. А сможет?

Секретарь парткома. **А вы как думаете?!** Маруся, она наша, **фабричная девчонка**. Недавно вела **протокол одного заседания**... Зачитаешься. Не то, что вашей пьесой. *(Говорит по селектору.)* Зайдите ко мне.

Входит Марьяна с папкой, на которой написано «ДРАМА».

Секретарь парткома *(как будто впервые видит)*. Вы кто?

Марьяна. **Это я — ваш секретарь**, Марьяна, товарищ секретарь парткома. Ваш новый секретарь.

Драматург. Откуда у вас эта папка?

Марьяна. Да мне ваша **дочь Маша** дала... Сразу скажу, что эта пьеса для **молодежи** не интересна. Сцена в спальне совершенно не захватывает. **Муть, честное комсомольское**.

Секретарь парткома. **Пыль**.

Драматург. Муть? **Моя дочь**? У меня вообще нет постельной сцены.

Секретарь парткома. Нет постельной сцены?! Уж не в **богоискатели** ли вы записались? У вас что, **Маркс с лампадкой** получается?

Драматург. У меня нет сцены с Марксом.

Марьяна. Так зачем вообще эта пьеса нужна? **Молодняк** ее не поймет и не примет!

Секретарь парткома *(переходит на ты)*. Видишь, вот Маруся, **простая девушка**, а какие верные слова находит, идут прямо от ее маленького **горячего сердца**... Особенное внимание надо уделять развитию духовности у молодежи. Среди них **черт** знает, что творится! Им надо помочь найти верную **дорогу**, чтоб они были счастливыми, а не эрзац-счастливыми... Вот ты, Маруся, счастлива?

Марьяна. Это **счастье** — быть с партией, с рабочим классом.

Драматург. У меня производственная тема прямо с первого акта раскрывается, да и рабочая столовая показана.

Секретарь парткома. У вас не производственная тема, а кабинетная история. Вот сейчас позовем целую бригаду рабочих во главе с их бригадиром, а также вызовем инженеров, посмотрим, что и где у тебя раскрыто и показано.

Входят рабочие и инженеры.

Первый рабочий. Я, конечно, человек маленький... А вы, драматурги, неплохо устроились, как аристократы какие: квартиры, участки, дачи, льготы, оплаченный больничный...

Второй рабочий. И гонорар, на который можно жить, и отчисления от спектаклей.

Третий рабочий. Хорошая жизнь у них жизнь, у этих умников. Прямо коммунизм.

Бригадир. Или вот ваш костюм...

Секретарь парткома. Не надо про костюм, давайте по существу.

Главный инженер. Мало того, что пишут не пойми что, по этим пьесам потом и диссертации защищают.

Бригадир достает папку с надписью «ДРАМА».

Драматург. Откуда это у вас?!

Бригадир. Да вот сын мой, Сашка, макулатуру в дом приволок, чтобы потом на книги поменять. Смотрю, стопка хорошей плотной бумаги. Думаю, как раз будет рыбу на чем разделывать, не на газете же «Правда»? Верно говорю, товарищ секретарь парткома?

Секретарь парткома. Как говорил классик: «На безрыбьи даже “Дни Турбиных” — рыба».

Бригадир. Так вот, достал я пачку той бумаги, а там пьеса. Ну я ее и прочитал. Вместе с бригадой, конечно. Бумага, как говорил, отличная, гладкая — в общем, нужная бумажка. А что касается вашей пьесы, она у вас вышла неважная, посредственная, грубоватая, отдает кабацким духом, изобилует трактирными остротами. Герои только и делают, что едят и, даже, пьют — в кафе, в театральном буфете, за новогодним столом... С душком ваша пьеса, как рыба, срок годности которой истек. В общем, вышла плоская и нехудожественная штука...

Главный инженер. Про делег и стилиг.

Рабочие. Это клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата...

Секретарь парткома. Тяжкое обвинение.

Первый рабочий. Мне дед-**большевик** рассказывал, как им в Гражданскую показывали на фронте в **степях Украины** революционную пьесу о суде над Врангелем. Она на красноармейцев произвела неизгладимое впечатление: «Чи то театр, чи то **трибунал**. Спектакль превращается в **суд**. Суд превращается в **жизнь**».

Драматург (*усмехаясь*). Прямо **адский трибунал**.

Секретарь парткома. Адский, не адский, а и современная пьеса на эту тему есть: «**Верховный суд: Хроника для театра**».

Бригадир. Пора принимать решительные меры.

Секретарь парткома. Думаю, самое время пригласить сотрудника органов. Мы ведь режимное предприятие, хотя в последнее время по конверсии выпускаем и кастрюли.

Входит сотрудник.

Секретарь парткома. Проходите, будьте как у себя **дома**, в смысле, как на Лубянке... Теперь почти все в сборе, так сказать, **таланты и полковники**.

Сотрудник. Театру дана особая **власть**. Профессия драматурга — **опасная профессия**. Драматурги должны быть похожи на **чекистов**. Пьесу надо писать с холодной головой, горячим **сердцем** и чистыми руками... А вы какими руками писали?

Достает папку с надписью «ДРАМА».

Драматург. Вот этими, (*показывает руки в чернильных пятнах.*) у меня **вечное перо** течет. Откуда эта папка у вас?

Сотрудник. Здесь я задаю вопросы. Откуда эта драма у вас?

Драматург. Я тайно ничего не писал.

Сотрудник. Вот вы часто говорите о нетленности творений авторов, бессмертии их, так сказать, детищ. Так?

Драматург. Да, в некотором смысле. Но поймете...

Сотрудник (*прерывает*). Нечего тут понимать. А зачем же вы тогда рукопись вашей пьесы в Американское посольство передали? (*С сарказмом.*) Для вечности?

Драматург. Ничего я не предавал. Да и не мог передать, ведь драма еще не окончена.

Сотрудник. Это не имеет роли. Ее уже по «**Голосу Америки**» читали.

Драматург. Не может быть.

Сотрудник. Как же не может? Очень даже может. Вчера, аккуратно в 22.15 сначала песню Окуджавы поставили, для слезы, так сказать, а потом отрывки из вашего опуса читали —

мы всей Лубянской слушали и возмущались. Давайте **начистоту**, у нас же с вами **откровенный разговор**. В этом низкохудожественном произведении сплошной **лабиринт** слов, все **шиворот-навыворот**, как будто, **не от мира сего**... И, вы еще скажите, что это не ваша пьеса?!

Бригадир. На словах он Лев Толстой, а на деле...

Драматург. **Я не Лев Толстой**. И, вообще, это моя **личная жизнь**, кому какое дело, какой у меня...

Сотрудник. Драматургия не **частное дело**. Нет искусства ради искусства, нет и не может быть каких-то «свободных», независимых от общества, как бы стоящих над этим обществом художников, писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, журналистов. Они просто никому не нужны. Да таких людей и не существует, не может существовать.

Драматург. Но ведь сейчас эпоха гласности, можно писать и ставить пьесы совершенно свободно, без всякого **страха**.

Сотрудник. Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру в порядке соревнования, путем создания могущих ее заменить настоящих, интересных, художественных пьес советского характера.

Драматург (*горько, с иронией*). Ну мою-то новую, только что рожденную пьесу, как раз в макулатуре нашли.

Сотрудник. Не ломайте комедию.

Драматург. **Для кого комедия, а для кого и драма**.

Сотрудник. Совершенно правильно сказал Михаил Сергеевич Горбачев Олегу Ефремову: «Ваш спектакль — пирдуха»... А ведь вы дружите с ним, не так ли?

Драматург. Не друг он мне — иногда встречаемся, путешествуем вместе.

Сотрудник. Да уж, наслышаны о вашем путешествии в Болгарию...

Драматург. Причем здесь Болгария, это наше **личное дело**.

Сотрудник. Хорошо, посмотрим шире, с политической точки зрения. В этом году руководство Литовского движения за перестройку провозгласило, что основной и главной целью движения является восстановление независимости Литвы. А это уже прямой шаг к развалу СССР. Вы спросите, — причем здесь Ефремов? Отвечаю. Драматический раскол в 1986 году МХАТа по инициативе Ефремова — начало раскола СССР, ведь театр — это обнаженная **жизнь**, концентрированная история.

Драматург. Вы мне, что **агитпьесу** предлагаете написать?

Сотрудник. Это ваш **выбор**. Вы стоите **у опасной черты**. Настал **момент истины**, ответственность — на вас, нельзя стоять **в стороне**. И помните, что у пьесы, как и у измены родине, нет **срока давности**.

Драматург. Звучит как ультиматум. Или это уже приговор?

Сотрудник. Пять минут на размышление.

Секретарь парткома. Но дело не только в идеологии и политике, но и в экономике.
(*Марьяне.*) Пригласите товарища Хапугина.

Входит кооператор Хапугин с папкой «ДРАМАА».

Секретарь парткома. Знакомьтесь, Хапугин!

Драматург. Откуда у вас моя пьеса?

Хапугин. Это коммерческая тайна... Вот скажите, какова экономическая эффективность вашей пьесы?

Драматург. Я драматург, а не экономист.

Хапугин. Конечно, привыкли жить за государственный счет.

Бригадир. Примерно полтора миллиона рублей тратится ежегодно на государственный заказ пьес, и примерно треть из них, оплаченных из государственного кармана, не видит света рампы, и никем, кроме самого автора и редактора, не прочитывается.

Хапугин (*Драматургу*). Тысячи и тысячи пьес уже написано армией советских драматургов, в этих пьесах десятки дивизий персонажей, их смотрели сотни миллионов зрителей. И зачем? Все забудется, уже забывается... А ваша пьеса будет какая-нибудь тридцать тысяч **сто двадцать вторая**... Над ней заснут, не дочитав до второго действия, ее забудут, не успев опубликовать и поставить.

Секретарь парткома. Мы, кажется, заработались. Пора и антракт, как говорят в театре, сделать. Маруся, распорядись, чтобы нам принесли чаю.

Входит директор столовой с подносом. На подносе стаканы с чаем и папка «ДРАМА».

Драматург. Где вы взяли мою пьесу?

Директор столовой. Да рабочие в столовой рыбу разделывали. Бумага, конечно, вся в пятнах, скомканная, но, кое-что разобрать можно.

Секретарь парткома. Не надо про рыбу, давайте по существу.

Директор столовой. Я бы огульно не ругал это произведение, ведь пьеса — драма, комедия — самая трудная форма литературы. И есть сцены, которые безусловно удались автору: это сцены в столовой, в пивной, в ресторане, в кафе и в театральном буфете, а также новогоднее застолье. Здесь, безусловно, чувствуется рука мастера.

Главный инженер. Когда читал эти места, прямо слюнки текли.

Бригадир (*безнадежно машет рукой*). Эх, да под такую закусь...

Секретарь парткома. При этом, что во всех этих сценах герои регулярно распивают горячительные напитки... Что в корне противоречит политике партии, которая говорит, что борьба с пьянством и алкоголизмом нарастает по мере продвижения к социализму.

Рабочие. Пьянству — рабочий бойкот!

Секретарь парткома. Кроме, того, эти сцены, которые, вынужден с вами согласиться, единственное талантливое и глубокое место в пьесе, все равно придется вырезать. И что же станется от нее?

Первый рабочий. Пшик?

Бригадир. Пшик.

Главный инженер. Пшик?!

Хапугин. Пшик!

Марьяна. А разговоров-то было.

Секретарь парткома. Пьесы оцениваются не в «пшиках». Мы, конечно, не худсовет и, тем более, не ГУРК, но все же проведем литеровку рассматриваемой нами пьесы.

Второй рабочий. Да, такую пьесу без литровки не поймешь.

Секретарь парткома. То есть, присвоить ей одну из разрешающих литер или запретить к исполнению на сцене, но, думаю, до этого не дойдет, все-таки эпоха гласности и театрального эксперимента. Литера, это так сказать, мандат для выхода на сцену. Начнем по порядку. Литера «А» — произведение, безусловно рекомендуемое к постановке, представляющее значительную идеологическую и художественную ценность.

Третий рабочий. Вы шутите? Какая литера «А»?

Секретарь парткома. Мне близка ваша пролетарская позиция. Просто такой регламент литеровки, начинать рассмотрение с литеры «А». Переходим к следующей литературе. Литера «Б» — произведение, вполне пригодное к постановке, идеологически и художественное доброкачественное.

Главный инженер. Это не доброкачественное произведение, а злокачественное.

Секретарь парткома. Все согласны с мнением трудовой интеллигенции? Идем дальше. Литера «В» — произведение, вполне пригодное к постановке и художественно-доброкачественное, по своему типу и содержанию наиболее подходящее для массовых форм театра.

Марьяна. «Для массовых форм театра»? Да если эту пьесу поставить, может десяток зрителей и наберется, но и те, после антракта разбегутся.

Секретарь парткома. Мнение советской молодежи ясно. Рассмотрим последнюю литеру. Литера «Г» — произведение художественно или идеологически слабое, поверхностно разработанное или не актуальное.

Бригадир. В самую точку. Не пьеса, а «Г».

Секретарь парткома. Ставим на голосование. Итак, пьеса разрешена к постановке с литерой «Г». Оформляем разрешение: [Мы, нижеподписавшиеся...](#)

УПРАВЛЕНИЕ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ЗРЕЛИЩАМИ И РЕПЕРТУАРОМ	
Московской обл.	(края, области, АССР)
РАЗРЕШАЕТ к исполнению произведение (наименование)	
Пьесу "Последняя советская драма"	
автор.....	Петров С. Т.
по литере.....	«Г»
сроком на „.....“ мес.	
с купюрами на стр.	I - 63

Сотрудник (Драматургу, доверительно). Поймите, мы же не [палачи](#). Будем бороться за присвоение в следующем году литеры «В» вашей пьесе, будем бороться за ее финал. Будем бороться за вас! Наш [разговор не окончен](#). [Верю в тебя](#), Драматург!

Секретарь парткома. Я тоже [хочу верить...](#) Товарищи, как поется в народной песне, «мы славно поработали и славно отдохнем». Разрешите пригласить всех вас в нашу большую бывшую столовую, а с сегодняшнего дня — кооперативное кафе. Так сказать, на [банкет](#) по обмену опытом.

Директор столовой. Так у нас же столовая закрыта на спецобслуживание — сегодня поминки.

Марьяна. Хорошо, что хоть не [свадьба](#). Поминки завсегда короче и драки реже бывают.

Секретарь парткома. Когда они начинаются?

Директор столовой. Планируем вынести гроб из дворца культуры в 14.30, значит, около 15 часов, не [раньше](#), занесем в столовую и подадим на стол.

Секретарь парткома. Без креста, надеюсь?

Директор столовой. Без креста! Обойдемся в столовой без [поминальной молитвы](#).

Хапугин (назидательно, важно). Не в столовой, а в кафе.

Директор столовой. Для покойника это не важно.

Секретарь парткома. В партийной работе не бывает мелочей.

Первый рабочий. Да, неувязочка вышла.

Второй рабочий. С покойниками завсегда так.

Все. Что же делать?

Директор столовой. Предлагаю компромисс. Выделите для поминок восемь столов на условиях субаренды.

Хапугин. Четыре.

Директор столовой. Шесть, но по предоплате.

Хапугин. Если оплата почасовая, я согласен.

Секретарь парткома. Ну а с **близкими родственниками** покойного я договорюсь.

Хапугин (*Секретарю парткома*). Пока никого нет... Нам вот тут с вами надо обсудить... деликатный вопрос. В частном, так сказать, порядке.

Секретарь парткома. У меня нет секретов от партии и от народа.

Хапугин (*протягивает Секретарю парткома конверт*). Деньги счет и тишину любят.

Тайна исповеди гарантируется. Здесь пятьсот за кафе. Будете получать столько же каждый месяц.

Сотрудник. В старое доброе время — за это **114 статья** (*взятка*).

Все. Возврата к прошлому не будет! **Назад пути нет.**

Сцена 3. Общепит

Рестораны, пивные, столовые, кафе разных периодов советского времени

Стол №1. À la «Славянский базар»

— Официант! Можно вас?

— Минуточку!

— Восемнадцатый час уже сидим, скоро целый **день в ресторане**, а все не подают.

Стол №2. Пивная

Приверженцы неограниченной торговли алкоголем лживой пропагандой, иезуитски, ссылаясь на свои экономические звания, сумели обмануть основную массу депутатов и добиться утверждения таких чудовищных планов алкоголизации народа, которых не знала и не знает ни одна страна мира! Мало того, они ведут настойчивую пропаганду против

трезвости, объявляя саму борьбу за трезвость чуть ли не враждебной акцией, а закон о борьбе с пьянством и алкоголизмом, принятый в 1985 году, называют ошибочным, принесшим огромные беды стране.

Стол №3. Случай в ресторане

Звучит песня Владимира Высоцкого «Случай в ресторане»

В ресторане по стенкам висят тут и там
«Три медведя», «Заколотый витязь»...
За столом одиноко сидит капитан.
«Разрешите?» — спросил я. «Садитесь!

...Закури!» — «Извините, «Казбек» не курю...» —
«Ладно, выпей, давай-ка посуду!..
Да пока принесут... Пей, кому говорю!
Будь здоров!» — «Обязательно буду!» —

«Ну, так что же, — сказал, захмелев, капитан, —
Водку пьешь ты красиво, однако.
А видал ты вблизи пулемет или танк?
А ходил ли ты, скажем, в атаку?»

В сорок третьем под Курском я был старшиной,
За мою спиной — такое...
Много всякого, брат, за мою спиной,
Чтоб жилось тебе, парень, спокойно!»

Он ругался и пил, он спросил про отца,
Он кричал, долго глядя на блюда:
«Я полжизни отдал за тебя, подлеца,
А ты жизнь прожигашь, паскуда!

А винтовку тебе, а послать тебя в бой?!
А ты водку тут хлещешь со мною!..»
Я сидел, как в окопе под Курской дугой —
Там, где был капитан старшиною.

Он все больше хмелел, я — за ним по пятам.
Только в самом конце разговора
Я обидел его — я сказал: «Капитан,
Никогда ты не будешь майором!..»

Стол №4. Не обслуживается
За столом сидит Драматург.

- Мест нет!
- Закрыто на спецобслуживание.
- Этот столик не обслуживается!
- Не видите, что место зарезервировано?!
- Цыплята закончились.
- Шампанского!
- Не положено! У нас безалкогольное кафе.

Стол №5. Прейскурант

Наименование блюда	Выход	Цена
Салат из свежих помидоров	150	0-22
Суп харчо с бараниной	50/300	0-32
Жаркое по-домашнему	350	0-46
Компот из свежих яблок	200	0-11
Хлеб		0-04
Итого:		1-15

Стол №6. Кооперативное кафе. Открытие.

*Кооперативное кафе, ничем не отличимое от заводской столовой, кроме цен.
Часть публики весело и непринужденно пьет, жует и смеется. Другая часть, одетая в
черное,
мрачно ждет, когда принесут гроб, выпивку и закуску.*

Секретарь парткома. Москве не хватает кафе и столовых.

Директор столовой. На помощь общепиту приходят кооперативные кафе.

Главный инженер. Но фактически это прежние «забегаловки», только перешедшие в разряд кооперативных, где нужно выкладывать больше денег.

Хапугин. Дамы и господа! А также бывшие товарищи!

К вам обращаюсь я, кооператор Хапугин, новый и единственный **хозяин** этого заведения. Из безымянной столовой оно с помощью невидимой руки рынка превратилось в кафе «Х». Почему «Икс»? Во-первых, это **путь** по большой неизведанной **дороге** свободного предпринимательства. Во, вторых, это не только «Икс», но и «Ха» — первая буква моей **знатной фамилии**, десятки лет поносимой в совке... Как только нас не называли: **кулаками**, **нэпмачами**, **дельцами**, **рвачами**, **вредными элементами**, **спекулянтами**, **фарцовщиками**... Сколько раз сажали, расстреливали... А мы опять восставали из пепла, как птица **Феникс**... Рождение моего кооперативного кафе, это одновременно и поминки старого советского общественного питания. Вообще всего советского... Да, я Хапугин. А кто из вас в душе не Хапугин?.. На место РСФСР приходит **Россия №2**, но уже пришло **время пожинать плоды**, первые плоды, сделать первый **глоток свободы**... Пока у меня только одно кафе — бывшая заводская столовая. Но **все только начинается**. Вот встретимся мы **через 20 лет**, — и все кругом будет мое. **Моя фирма** — настоящая фирма, а не кооператив. И я буду не кооператор, а натурально **банкир**. И завод — моя **собственность**, и все магазины на этой **Зеленой улице** — мои, и театр — мой... Но я и высоко думаю. **Бог и биржа** — святые для меня слова. Церковь восстановлю, **клянусь**. Ибо бедность — от безбожия, а богатство — от Бога. И будет у меня **200.000 на мелкие расходы**, и как в страшном сне буду вспоминать, как получал **200 рублей** в месяц. **Верую!** **Деньги** решают все, деньги — это **могущество!** Главное, действовать!

— **За жизнь кооперации!**

— **За кооперативный союз!**

— **Товар к потребителю приближай — цены снижай!**

— **За новых хозяев жизни!**

— **За настоящего хозяина!**

С улицы слышен шум.

Директор столовой (*высовывается из окна, кричит*). **Парадный вход** найти не можете, ироды?! Да не с той стороны кафе обходить надо — справа налево, на запад!

Стол №7. Кооперативное кафе. Поминки.

То же самое кооперативное кафе.

В кафе вносят гроб. Слышны голоса: Заноси... Майна, вира... Правее, левее... Дамочка, посторонитесь... В салат не урони... Крышку снимать?..

Секретарь парткома. А вот и виновник торжества.

Драматург. Как это символично. Года три назад один известный драматург, умерший в канун Пасхи, теперь об этом, слава Богу, можно говорить открыто, завещал выставить его гроб в дубовом зале ресторана Центрального дома литераторов. Так сказать, где «стол был яств, там гроб стоит».

Бригадир (всем). Вы только много не пейте — завтра еще в театр идти.

Первый рабочий. Что дают?

Главный инженер. Комедийную пьесу «Машенька» — спектакль о довоенной жизни. Старый академик Окаемов живет без семьи в большой квартире в Москве, закрывшись в собственном непроницаемом мире мыслей, открытий, науки, закопавшись в древних летописях. Много лет назад сын Окаемова неудачно женился, рассорился с отцом и уехал с женой в Сибирь, там у него родилась дочурка, а через несколько лет он умер. А теперь мать Маши, желая устроить собственную дальнейшую судьбу, отправляет пятнадцатилетнюю Машу к деду, который даже не подозревает о ее существовании. Впервые встретившись, родственники относятся друг к другу прохладно, но постепенно между ними возникает настоящая дружба, они становятся одной семьей. Окаемов снова чувствует радость жизни, а дедушкина внучка, благодаря поддержке взрослых людей, преодолевает жизненные неурядицы, идет к своим первым творческим успехам... Переломный момент спектакля — празднование Нового года.

Занавес

Акт 2. Театральный

29 декабря 1989 года, пятница.

Сцена 4. «Сцена пятая»

Один из московских театров. На сцене идет спектакль «Машенька». Столовая, убранная к Новому году. Обе двери раскрыты, соединяя квартиру в одно. Стол накрыт и раздвинут. На стене против стола висит большой лист картона с надписью, как в календаре: «31 декабря». На крышке пианино стоит радиоприемник, передает страшно громкий марш. Леонид хлопочет около стола, дирижируя свободной рукой. В кабинете Окаемов что-то быстро пишет, не обращая внимания на марш. Звонок в передней. Леонид кидается туда, вносит в столовую упакованную корзину, ставит ее на стол. Развязывает.

Леонид. Маша! Машенька!

Из-за радио его не слышно. Он подходит к приемнику, выключает.

Окаемов (поднял голову от стола). Что случилось? Почему так тихо?

Леонид. Шампанское принесли, Машенька!

Из кухни появляется Маша, в переднике, с засученными рукавами.

Маша. Куда это все? Куда? И так еды на сто гостей.

Леонид. Все съедим, Машенька! Все выпьем. За каждого гостя — тост. Необыкновенной силы я сочинил тосты!

Маша. Я тоже хочу сегодня что-нибудь сказать. Что-нибудь ужасно радостное. Чтобы всем было весело, как мне.

Леонид. А вам уже весело?

Маша. Еще вчера стало весело.

Леонид. И сегодня скажете мне причину?

Маша (смутившись). Вам? Нет... да... почему?

Леонид. Потому что я тоже скажу вам одну вещь!

Маша. Вы? (Страшно смутившись.) Нет... Вы... (Села от растерянности.)

Входит Мотя, неся новое блюдо.

Мотя. Не рассаживайся, **мать** моя, гости на носу. Поди соус к рыбе отбей.

Леонид. Она устала, Мотя.

Мотя. Поди, поди, хозяйка последняя устает.

Маша (*встает*). Все как будто во сне. (*Леониду.*) Вы тоже скажете?.. Тоже?

Леонид. Непременно, Машенька.

Маша быстро уходит.

Мотя. Устанешь тут, когда цельные дни ноты пишет — не разогнется. А начну выговаривать — «пожалуйста, не мешай». (*Уходит в кухню.*)

Леонид. Василий Иванович, это чудовищно! Оказывается, Маша все еще переписывает эти ноты! Зачем вы позволяете?

Окаемов. Секундочку! Коллекция отживших понятий растет. (*Перечитывает вслух.*) Оказывается: «Мощи — сушеный поп». Нечистый дух — это когда в комнате много курят. Горничная — это комната. Лакей — подхалим. Записано на беседе в школе. Хм! (*Леониду.*) Что же касается нот, то Нина Александровна заявила, что переписка носит срочный характер и Маше не надо мешать.

Леонид. О, если Нина Александровна, — умолкаю. (*Видит, что Окаемов, вошедший в столовую, хочет приподнять лист с числом.*) Нельзя, нельзя! В полночь сорвем — увидите. (*Берет Окаемова за талию.*) А помните наш прошлый Новый год?

Окаемов. Хм. Да-с. Я сидел за стаканом чая, а вы позвонили с опозданием на полчаса и, как всегда, перепутали. Вместо нового года пожелали спокойной ночи.

Леонид. Ну, уж сегодня я не перепутаю. Это все Машенька, Василий Иванович! (*Широким жестом обводит стол.*) Ее вторжение. Я и то помолодел духом, а вы совершенно юношей стали. После вашего дебюта шестого ноября вы уже выступали в Доме пионеров, потом на каком-то слете, и все с таким же **успехом**.

Окаемов. Да-с. С гораздо большим, признаться, чем мои лекции по палеографии. Вторая профессия — рассказчик о темном прошлом. (*Усмехается.*) И ведь отказать нельзя — просят очень.

Леонид. Размечтались, а шампанское не во льду! (*Берет бутылки, уходит.*)

Окаемов хочет все же приподнять картон, но Леонид возвращается.

Леонид. Ай-ай-ай, Василий Иванович! Ай-ай-ай!

Окаемов (*смущенно*). Да я, право...

Звонок в передней. Леонид выходит. Входят Нина и Маша. В руках у Нины сверток.

Леонид. Извольте к елочке, к елочке.

Нина. Милый Василий Иванович! У нас с Машей новогодний секрет. Покиньте, пожалуйста, столовую.

Окаемов. Хм, в собственной квартире швыряются тобой, как пешкой, из угла в угол. (*Посмеиваясь, уходит в кабинет.*)

Нина (*берет сверток*). Машенька, здесь дедушкины книги. (*Видя изумление Маши.*) Ты уже заработала двести рублей. Я одолжила тебе остальную сумму и взяла книги. Подари их Василию Ивановичу на Новый год.

Маша (*берет книги, растерянно*). Вы свои деньги дали?

Нина. Ты отдашь их мне. Потом, постепенно. Не все ли равно?

Маша (*бурно обнимая Нину*). Ниночка! Я тебе очень скоро отдам. Я быстро работаю! Дедушка!

Нина. Гсс... Положи книги под салфетку.

Маша (*бежит к столу, прячет книги*). Ой, Нина Александровна, милая! Я даже вас на «ты» назвала от радости...

Нина. А ты зови.

Маша. Можно? Спасибо вам... то есть тебе. (*Смеется.*) Весь день смеюсь. Вроде Гали. Ох, дедушка удивится! Какая вы... ты добрая, Нина... Отчего ты такая добрая? Знаешь, я тебе скажу по секрету, теперь можно... Когда Витька сказал, что вы с Павлом Павловичем поженитесь, я тебе **письмо** написала. Длинное. (*Тихо.*) Чтобы вы не выходили за него замуж, потому что...

Нина. Я понимаю, девочка.

Маша. А когда узнала, что вы даже совсем не собираетесь, ох, я обрадовалась!

Нина. Ты, значит, от этого такая веселая?

Маша. И от этого, и еще от одной вещи. Только это ужасная тайна, Нина. Я даже дневник себе завела — туда ее записать. И никому не могу сказать.

Нина. Конечно, если это тайна, не говори.

Маша. Но тебе я скажу ее. Я решила. Закрой глаза.

Нина закрывает глаза.

(Обняв ее за шею, шепчет.) Скажи, если очень любишь, можно ждать три года?

Нина. Чего ждать?

Маша. Нет-нет, не смотри на меня, пожалуйста. Ну, ждать вообще. Чтобы дожидаться, кого любишь.

Нина. Конечно, можно, девочка.

Маша *(еле слышно)*. Я... я скажу сегодня, чтобы он подождал три года. Только три года. Пока мне исполнится восемнадцать лет.

Нина. Кто «он»?

Маша. Ты знаешь.

Нина *(открыв глаза)*. Леонид Борисович?

Маша молча кивает головой, не решаясь взглянуть на Нину.

Нина поднимает ее лицо, смотрит пристально.

Маша *(быстрым шепотом)*. Он хочет мне сегодня одну вещь сказать... Тоже про «это», наверное. Мне ужасно страшно. И **сердце** колотится, ты послушай. *(Прикладывает руку Нины к своему сердцу.)* Но все равно, я решила. *(Смотрит на Нину.)* Что с тобой? Нина. Голова немного болит. Пройдет.

Входит Леонид.

Леонид. А я знаю, знаю, о чем вы шепчетесь!

Маша быстро убегает в кабинет.

(Вслед.) Шучу, шучу, Машенька. Представления не имею. Здравствуйте, Нина Александровна! Ох, какое на вас платье, необыкновенной силы! *(Идет к кабинету.)* Машенька, не смущайтесь, я каждый раз попадаю впросак со своими шутками.

Нина *(останавливая его)*. Особенно потому, что речь шла о вас.

Леонид. «Меж юных жен, увенчанных цветами, шел разговор веселый обо мне».

Нина. Леонид Борисович, Маша вас любит.

Леонид. Надеюсь.

Нина. Я говорю о большой любви. Настоящей.

Леонид. Что?

Нина. Маша призналась мне. Она хочет просить вас подождать три года. До ее совершеннолетия.

Леонид. Подождать три года? Нет, вы серьезно? *(Поймав ее взгляд.)* Так. Понимаю. *(Весело.)* Я с восторгом подожду и пять лет...

Нина. Нет, Леонид Борисович, нельзя смеяться над первой любовью девочки. Для Маши сейчас весь мир счастлив и радостен, как она сама. Она верит только своему сердцу. И в этом сердечке — вы. Для нее сейчас не существует ни сомнений, ни вопросов, она также уверена в вашем чувстве, как и в своем. И с этим играть нельзя.

Леонид. Да-да. Понимаю. Благодарю вас... за Машу. За ваше отношение к ней. *(Пауза.)* Я, кажется, растерялся. Как мне ей объяснить? Может быть, вы... укажете ей на разницу лет, характеров...

Нина. Я? *(Растерянно.)* Нет... я не могу.

Леонид. Именно вам она поверит больше всего.

Нина. Я не могу.

Леонид. Хорошо, попробую сам. Вот что. Я скажу ей, конечно, осторожно, подготовив, что я, к сожалению, уже люблю другую женщину. Вас! Тем более, что я действительно в вас влюблен.

В дверях кабинета тихо появляется Маша. Незамеченная, она слушает.

Нина. Вы?

Леонид. Я влюбился в вас с первой встречи, помните, в поезде. Я даже хотел объясниться, но вовремя удержался. Я и сейчас еще вас люблю — вы простите меня и не обращайтесь внимания, это скоро пройдет.

Нина *(тихо)*. Если это пройдет, я вам никогда не прощу.

Леонид *(после паузы)*. Что-о-о? *(Схватив ее за руку.)* Извольте объяснить ваши слова...

Нина. Нужно ли? *(Смотрит на него.)*

Леонид *(почти кричит, схватив ее за руку)*. Вы отдаете себе отчет в том, что вы сейчас натворили?

В передней громкий звонок. Маша тихо скрывается в кабинете. Нина обнимает и целует Леонида. Быстро проходит в переднюю, где слышен шум голосов, смех. В столовую входит Окаемов.

Окаемов. Молодое поколение прибыло.

Леонид. А? *(Схватив его за руку.)* Дорогой старик! Я даже сперва не понял, что, собственно, произошло. Как будто в меня угодил метеорит... Я ощутил вдруг невыносимый подъем всех чувств... что-то такое требовательное, чему бесполезно сопротивляться... И я не сопротивляюсь. Я просто еще не совсем верю... но она же сама сказала — вот тут, где стоите вы, и я держал ее за руку, как вас. **Это было!** Было!

Голос Нины: «Просим всех в кабинет».

(Вскочил.) Слышите? Она просит всех в кабинет. *(Бросается к кабинету и возвращается.)* Все влюбленные — эгоисты! И я — тем более. Дорогой старик, объясните Маше... расскажите ей... но так, чтобы и она была счастлива... я хотел сам, но не могу, я слишком глуп сейчас, и у меня все в голове смешалось. Я уже пьян. Вы понимаете? Не делайте удивленного лица, конечно, вы понимаете. *(Спешит в кабинет.)*

В кабинете тот же шум и смех, что раздавались в передней. Голос Нины: «Маша, куда ты?». Маша входит в столовую.

Маша. Я... дедушку позову. *(Затворяет за собой дверь.)* Дедушка! *(Бросается к нему, не в силах сдержать слез.)*

Окаемов. Хм-хм. Что случилось? Маша? Ну-ну...

Маша. Дедушка, я уйду... ты скажи им — у меня голова болит, я уйду...

Окаемов. Хм-хм... Вот-с извольте видеть... Ффффу!

В дверях появляется Нина. Он делает ей знак. Нина понимающе вновь удаляется.

Машенька... Расскажи мне.

Маша отрицательно качает головой.

Ты хочешь уйти. Тебе неприятно с товарищами?

Тот же жест Маши.

Со мной?

Тот же жест.

С Ниной Александровной, может быть?

Молчание.

Неужели с ней — твоим лучшим другом?!

Маша (*подымает к нему лицо и снова прячет*). Зачем она... его любит? Зачем?

Окаемов (*понявший все*). Хм-хм. Разве он плохой человек и его нельзя полюбить?

Маша молчит.

И разве она — плохая **женщина**? Ты их обоих любила и любишь, как лучших своих друзей. Но **дружба**, Маша, проверяется не словами. Если ты — настоящий друг, ты должна им помочь. Как до сих пор они помогали тебе. Ведь, правда, помогали?

Маша (*тихо*). Да.

Окаемов. Сейчас тебе грустно расстаться со своей **мечтой**... Но твоя грусть пройдет, поверь мне. Пройдет. Растает, как снег в апреле. Ты сама, как апрель. Вчера — грело солнце, а сегодня — **снег**. **Утром** было тепло, а к вечеру снова мороз. Но апрельские морозы не страшны. Потому что за апрелем обязательно наступит май. И твой май — впереди, Машенька. Поэтому я так смело и говорю: эта грусть пройдет. А их будущее может сломаться на всю **жизнь**. Ты ведь не хочешь этого?

Маша (*тихо*). Нет.

Окаемов. Я это знал. И мы встретим Новый год вместе с Ниной и Леонидом. Поздравим их с Новым годом и **новым счастьем**. Пусть их новый год начинается сразу со **счастья**. А?

Маша (*грустно вздохнув*). Пусть.

Окаемов. И радость наших друзей будет нашей радостью. (*Подходит к дверям кабинета и распахивает их.*)

Видны сидящие в кружке гости: Леля, Галя, Сеня, Виктор и еще девочки и мальчик из Машиной школы.

А теперь — пожалуйста!

Голос. Тсс, не мешайте!

Леся (*стоит посередине кабинета с платком в руках*). Внимание! Я подбрасываю платок. Пока он летит — все должны смеяться.

Галя. Ха-ха-ха...

Леся. Галина, остановись! Но как только платок коснется пола, все должны замолчать. Кто не замолчит, с того штраф. Понятно?

Все. Понятно, понятно...

Леся. Раз, два, три! (*Подбрасывает платок.*)

Все начинают смеяться, громче всех Галя. Платок упал. Все замолчали.

Окаемов, взглянув на Галю, расхохотался.

Все. А-а-а, штраф, штраф!

— Какой штраф?..

— Спеть вдвоем.

— Стать на руки...

— Нет, нет, сплясать.

— Да, сплясать. Ха-ха-ха!

— Лезгинку!

Окаемов. Но, позвольте, я не умею

Его окружают, требуют, просят.

Маша. Дедушка... спой лучше.

Окаемов. Что ты, Маша... Я лет сорок не выступал перед аудиторией.

Все. Спойте, спойте...

Галя, схватив его за руку, тащит к роялю.

Окаемов. Ну, что с вами делать? Придется. (*Сел, перебрал клавиши, запел.*)

Гляжу, как безумный, на черную шаль,

И хладную душу терзает печаль.

Из передней появляется удивленная Мотя. Слушает.

Когда легковверен и молод я был,

Младую гречанку я страстно любил.

Часы ударили первый раз. Волнение.

Нина. Маша, Леонид Борисович, разливайте шампанское. Никто за стол не садится — все встречают Новый год на ногах.

*Леонид разливает вино. По радио слышен бой кремлевских часов. Все затихают.
Одновременно начинают бить часы в столовой. Все ждут.*

Леонид. Десять... *(Отбегаёт к картону с цифрой.)* Одиннадцать. Двенадцать. Дорогие друзья! Поздравляю вас с **Первым мая**. Ура! Ой!

*Хохот. Крики «ура». Леонид срывает картон — под ним другой, с наспех нарисованным **портретом** Окамова, который держит на руках спеленутого младенца с цифрой "1 ЯНВАРЯ". Новый взрыв смеха.*

Голоса: Галя, с Новым годом!

— Леля, поздравляю!

— Маша, где ты?..

— Леонид Борисович...

— Василий Иванович, а со мной? Со мной, Василий Иванович!

Виктор *(подойдя к Маше)*. Мария! Вернись, я все прощу, упреки, подозренья... и как там дальше поется... Словом, будем в новом году дружить по-новому. И если я начну хамить по-старому, ты меня беспощадно крой. Твое здоровье, Мария!

Маша. Спасибо, Витя.

Окаемов *(тем временем поднял салфетку, увидел книги)*. Позвольте! Книжки?

Все притихли.

Я же их продал. Откуда они снова здесь? Откуда книги, я спрашиваю?

Нина *(видя, что Маша молчит)*. Это подарок Маши. К Новому году. Вам.

Окаемов. Мне? Но позвольте! Откуда у Маши деньги? Маша, где ты? Поди сюда! Откуда ты взяла **деньги**?

Нина. Ноты, ноты, Василий Иванович. Срочная Переписка нот.

Окаемов. Что?.. *(Стоит, пораженный.)* Ноты?.. Хм...

Смотрит на Машу, она на него.

С Новым годом, внучка! Спасибо! С новым счастьем, которое я нашел. *(Обнял ее, потом торопливо отер глаза и, отвернувшись, вышел в кабинет.)*

Все затихли.

Леонид. Да, с новым счастьем! Вы — наше счастье, Машенька. Вы наполнили наши жизни собой, и от этого они стали чище, лучше, достойнее!.. **Друзья** мои! Вы пришли в этот дом вместе с Машенькой. Вместе с нею я обнимаю всех вас. Здравствуй, племя молодое, но знакомое!

Шум. Крики. Звуки вальса. Маша идет в кабинет и возвращается с Окаемовым. Они танцуют теперь вместе плавный вальс, под звуки которого падает занавес.

Сцена 5. Гримерная

Тот же театр. Крохотная гримерка Маши, раза в два меньше, чем современная кухня в спальном районе. Машенька сидит у зеркала.

Машенька. Голова от вальса кружится... Или еще от чего? Я трех академиков на сцене пережила. Ребеночка прижила от известного режиссера — это целая история одной любви, хотя — обычная история. А сейчас — одна. Может опять беременная?.. Трудна судьба актрисы. И чего только не творится в кулисах души... Совсем расклеилась, скоро буду жить одними воспоминаниями. А на сцене — все пятнадцатая весна... А ведь самое время любить! Хочу любить. Имею я право на счастье?

Стук в дверь. Входит драматург с букетиком сухих фиалок.

Машенька. Смотрите, кто пришел!

Драматург. Машенька, как я рад вас видеть!

Машенька. И я вас. Все время рядом люди — на читках, репетициях...

Входит Окаемов, усаживается.

Окаемов. Машенька, налей сто грамм... У меня талоны на водку закончились.

Драматург. Наконец-то мы одни, в тишине. Наедине со всеми.

Входит режиссер, Окаемов уступает ему место.

Режиссер (*кричит*). Опять разговоры разговариваешь, а не к следующему акту настраиваешься.

Машенька. Да, первое свидание. Хоти и в антракте, хоть и в гримерке.

Входит электрик.

Электрик. Электрика вызывали?

Драматург. А я вот пьесу заканчиваю... почти закончил. Тебе посвящается. Думал, что ты первая прочитаешь.

Входит костюмер.

Костюмер. Ну что опять платье шампанским облили?

Машенька. Обязательно прочитаю, спасибо милый.

В гримерную еле втискивается завлит.

Завлит. Гони ты его в шею.

Драматург. Машенька, светлая моя, вы ангел!..

Появляется директор театра, идет буквально по головам.

Директор театра. Как удачно я зашел, почти вся труппа в сборе. Сообщаю об изменениях в афише. Спектакль «Вера, Надежда, Любовь» заменяется на «Мурлин Мунро». Вместо спектакля «Утопия» пойдет спектакль «Катастрофа». Спектакль «Цель жизни» отменяется.

Машенька. Это признание? Ради этого дня, ради этой минуты — все готова отдать. Это безумие!.. Навсегда!

Входит Хапугин с огромным букетом цветов.

Хапугин. Примите, так сказать, от страдающей души.

Машенька. Цветы живые, зимой! Мне после премьеры «Машеньки» таких никто таких букетов не дарил.

Гримерная и дальше наполняется людьми, кажется, весь театр здесь, а не в буфете.

Настоящий Ноев ковчег. Входит Ефремов.

Машенька. Олег, сколько лет сколько зим! Не ожидала тебя увидеть... в этом году. Как говорится: «Не ждали».

Ефремов. Вот и все в сборе — автор и актриса. Я, собственно, не к тебе, я Драматурга ищу... (Драматургу.) Подъем, голуба, есть серьезный разговор — пошли в буфет. (Хапугину.) Э-э, как вас там? С «Мерседесом» я решил — продаю.

Драматург всем видом показывает Машеньке: «Ну что я тут могу поделаться?».

Ефремов и Драматург уходят.

Хапугин (в спину Ефремова, тихо, зло). Заметано, Олежка. Заметано!

Машенька. Дурацкая жизнь, неблагодарная роль. Ничего не понимаю. Как все случилось? Кто виноват? Как жалко всех нас. Проданы билеты, зрители ждут. Надо набраться сил, играть финальную сцену...

Сцена 6. Театральный буфет

Полон театральный буфет, все столики заняты, огромная очередь к стойке.

Входят Ефремов и Драматург, немного удивленно оглядываются.

Ефремов. Народу-то сколько!

Драматург. Прямо как во МХАТе на «Сталеварах»!

Ефремов. Скорее, как в гастрономе за водкой.

Драматург. Или в аду, Олег Николаевич!

Ефремов. Может хватит по отчеству и на «вы», как думаете?

Драматург. Согласен.

Кто-то узнает Ефремова, ему с Драматургом уступают места. Они усаживаются за столик, за которым сидят юноша и девушка.

Соседка за столиком. Вот Машенька, еще ребенок, в сущности. Как проникновенно сказал Леонид Борисович: «Ребенок просветляет душу... Вы увидите, как из маленького существа разовьется разумный организм, как детский ее голосок станет, может быть, голосом таланта, покоряющего сердца, и вся она раскроется перед вами, как ваша мечта о лучшем, ваше продолжение в бессмертии».

Ефремов. Хороша Маша, и вся наша... А ведь большие надежды подавала в начале пути. Кстати, как она тебе?..

Драматург. Талантливая актриса, мне нравится ее игра. Машенька — ее главная роль.

Ефремов. Чужая роль. Но я не в этом смысле. Трем престарелым академикам давала твоя Машенька, значит и тебе, молодому драматургу, подавно должна была дать, нет?

Драматург. О, если... я был бы молодым... Молодость моя, где ты?!

Сосед за столиком. Пьеса «Машенька» закончена в 1940-м, сразу после Большого террора. Теперь перед нами открыта ужасающая правда о сталинских репрессиях, об аде ГУЛАГа... Но все равно хочется верить в светлое будущее... С каким убеждением говорил академик Окаемов: «Вы увидите, как кусочек угля с мой кулак будет отапливать громадный дом... Вы увидите, как жизнь человеческая будет продлена на много лет... Вы услышите, как прозвучит на земле последний выстрел, и люди забудут, что такое война. Вы будете жить в новом мире, без войн... Все это вы увидите и переживете... И это будет называться коммунизм»... Вы увидите, вы увидите... Только не перебивайте.

Драматург. Мы — люди, современники — очень нуждаемся в ласке, в душевности, в хорошем отношении, в каком-то глубоком человеческом подходе. Надоело нам видеть оскаленные морды противных людей, которые существуют у нас, не хочется нам видеть мерзавцев и негодяев, которые у нас существуют.

Ефремов (*с иронией*). Говорят, на премьере «Машеньки» в зале вода стояла по щиколотку от слез.

Драматург. «Машенька» — старая пьеса с редкой, счастливой судьбой. Сколько раз ставили и сколько еще будут ставить...

Ефремов. Пьеса счастливая, а драматург трагически погиб осенью 1941... А я хотел бы, сам не знаю почему, умереть на Пасху...

Голос из репродуктора. В 692 году завершил свою работу Трулльский (он же «Пято-Шестой») Вселенский Собор. Собор принял ряд важных решений, среди которых и решение о театральном искусстве: «Святой вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам, и их зрелищам, такожде и зрелища звериныя творити и плясания на позорищи. Аще же кто настоящее правило презрит, и предастся которому либо из сих

возбращенных увеселений: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен от общения церковного».

Ефремов. И похоронят меня без покаяния, за оградой кладбища.

Драматург. Ну тебе-то это не грозит. Тебя похоронят на Новодевичьем.

Ефремов. А что, уже есть решение ЦК КПСС?

Драматург. КПСС-то ты точно переживешь.

Ефремов (*шутя*). «Весь я не умру».

В буфет продолжает набиваться народ.

Драматург. А народу все больше.

Ефремов. Ептать. Мы так до третьего акта трезвые просидим.

Драматург. У меня тоже с третьим актом проблемы.

Ефремов. Поговорим о твоей пьесе, лапуля. Ты ее когда собираешься закончить?

Драматург. В этом году.

Ефремов. Мечты... мечты... Ну ты это жене рассказывай или на парткоме. Кстати, как закончился партком?

Драматург. Приговорили, так сказать, к **высшей мере**.

Ефремов. А по **правде**, когда закончишь свою драму?

Драматург. Года полтора нужно. В 1991 году закончу... к концу.

Ефремов. Поторопись, **время не ждет**... Тут злые языки говорят, у тебя нелады с постельной сценой?

Драматург достает из портфеля листы, тщательно раскладывает на столе.

Драматург. Вообще не выходит, вот такая **квадратура круга**. И к финалу третьего акта есть вопросы.

Ефремов(*смотрит на соседку за столиком*). Сношать или не сношать, вот в чем вопрос.

Соседка по столу думает, что ослышалась, краснеет.

Драматург. Я провел весь **год в сомнениях**. Кстати, ты первый вариант моей драмы прочел?

Ефремов. А зачем? Я в твоих пьесах ничего не понимаю, да и никто не понимает. А, когда буду ставить во МХАТе, все равно все переделаю... *(Драматургу, продолжая в упор смотреть на соседку.)* А, скажи, хороша нимфа?

Соседка на грани обморока. Сосед багровеет.

Соседка за столиком *(своему спутнику).* **Вася**, выведи меня скорее отсюда.

Сосед за столиком. **Машенька**, бежим прочь из театра.

Быстро уходят.

Ефремов *(вслед).* Вернуть театру доверие зрителей можно только на путях поиска **правды** безусловной и честной.

Драматург. А пока кругом **ложь**. Ложь на работе, ложь **дома**, ложь на сцене. Господи, как это исправить?!

Ефремов. Как говорил Гете, кто ошибется в первой пуговице, не застегнет камзола. Начни с себя, начни со своей пьесы.

Первый звонок к последнему акту, очередь к стойке расходится.

Драматург. Тебе хорошо говорить, театр — это вся твоя жизнь, ты сам — театр. А я до сих пор не знаю, драматургия мое **призвание**, или нет.

Ефремов. Тяга к театру должна быть всепоглощающей. Как-то известный драматург написал: «Моя бабушка ненавидела моего отца. **Отец** терпеть не мог бабушку. Мама любила обоих и очень страдала. Я был равнодушен к ним ко всем. Я любил театр. Если бы они все трое умирали у меня на глазах, я перешагнул бы через их трупы и побежал бы в театр».

Драматург. Оставит драматург **отца** и **мать** свою и прилепится к театру. Так что ли? Как в Церкви?

Второй звонок к последнему акту. Освобождаются соседние столики, люди покидают театральный буфет.

Ефремов. Театр — не здание, не собор, не храм Василия Блаженного. Театр, если хотите, это идея храма, идея Василия Блаженного. Храм театра должен строиться и перестраиваться до тех пор, пока жива идея этого театра.

Драматург. Идея театра всех нас переживет.

Ефремов. И пережует... Дадут нам хотя бы бутерброд?

Третий звонок к последнему акту. Весь народ почти бегом покидает театральный буфет, а, возможно, и театр.

Драматург. Смотри, никого нет, только что столько зрителей было — и все словно исчезли.

Ефремов. Ну вот и славно, будем, так сказать, путешествовать в комфортной обстановке. Малыш, не в службу, а в дружбу принеси бутылочку, да побыстрее. Настало **время действия!**

*Драматург встает, идет к буфетной стойке — там никого нет.
Возвращается к столику.*

Драматург. Совсем никого нет — ни буфетчиц, ни, даже посудомоек. Как вымерли все. И все двери закрыты.

Ефремов. Придется просидеть тут до Нового года.

Драматург. А может, и до Пасхи.

Ефремов. У меня студенты шуточную сценку разыграли: «Новогодняя пасха». Это старая вещица, еще дореволюционная, в общем-то пустяшная, бытовая. Но в названии глубокий смысл. Как и в комедии «**Воскресение в понедельник**».

Драматург. Пасху могут запеть в любое время года, в любой день?

Ефремов. Именно так! Театр — это эшафот. Путь к спектаклю — дорога на **Голгофу**. Премьера — **страшный суд**. А каждый спектакль — воскрешение — вечное воссоздание жизни и правды. В любое время года, в любой день!

Драматург. **Правду! Ничего кроме правды! Во весь голос! Иначе жить нельзя.**

Ефремов. Вот я, без ложной скромности, создал театр «Современник», спас умирающий МХАТ... Был бы моложе, обязательно основал бы Театр Советской Драмы, в котором шли бы только советские пьесы... Да ладно, шучу.

Драматург. Какая мысль пришла в голову. Советских пьес известно *minimum minimum* 10 тысяч. Пусть в каждой пьесе в среднем 10 персонажей. Всего получаем не меньше 100

тысяч персонажей — мужчин и **женщин** всех возрастов, национальностей, **классов**, профессий... Это же полный стадион Ленина. Или даже город. А, может, и целая, пусть и небольшая страна... И эта страна стремительно вымирает.

Ефремов. Автор убивает, он же и воскрешает!

Драматург. Антон Павлович?

Ефремов (*смеется*). Чехов!.. В театрах поставлено несколько тысяч советских пьес — это примерно столько, сколько на небе звезд, видимых невооруженным глазом. Одна звезда ярче, другая еле видна.

Драматург. Может, она уже умерла, а **свет от далекой звезды** продолжает идти.

Ефремов. Судьба пьес не так печальна, как судьба спектакля. Пьесу можно перечитать. Спектакль же, в конце концов, умирает безвозвратно... Конечно, можно же записать его на видеомagneтoфон, но к живому искусству это не имеет никакого отношения.

Драматург. Так вот, персонажи пьес образуют целый город, а в каждом городе должно быть кладбище. Так и вижу — кладбище пьес. На каждой могильной плите название — пьесы, хотя бы только название... По названию найдут и прочитают пьесу. А за каждой пьесой надо видеть автора. Вспоминая пьесу, вспомним и автора... **И никогда не забудем!**

Ефремов. **Так и будет!** Театр смертен. Но идея театра — вечна. Она воскресит авторов, персонажей, драматургов, режиссеров и актеров. И, актеры, похороненные за церковной оградой, — также воскреснут... Воскреснут все — известные и не известные... все, служившие в театре или служившие ему, вплоть до последнего суфлера, до последнего зрителя... В театре возможно все! **Так победим!**

Занавес. Антракт. Все перемещаются в театральный буфет.

Акт 3. Новогодний

31 декабря 1989 года, воскресенье.

Сцена 7. Установка

Большая комната в белых тонах в квартире Драматурга. Кроме елки еще ничего не напоминает о Новом годе. Перед телевизором с видеомagneтофоном сидит Мария Николаевна в халате. Вбегает Драматург в дубленке и шапке, весь в снегу.

Драматург. Уф, вот я и дома. Кажется, не опоздал.

Мария Николаевна. Вечно ты в последнюю секунду.

Драматург. Извини, за мандаринами в очереди стоял, ты же сама послала. Потом в универмаге.

Мария Николаевна. Ладно стоял за мандаринами, но это часа три всего, а зачем в универмаг потащился-то?

Драматург. У меня бумага почти кончилась, боялся на финал пьесы не хватит.

Мария Николаевна. Я понимаю, бумага тоже дефицит. Но зачем тебе пять пачек по 500 листов? Что это за финал такой?.. Знал же, что опаздывать в такой день нельзя — в день прощания с Кашпировским. На Центральном телевидении — его последняя передача... Хоть бы шапку снял, ирод.

Драматург. Так еще 16 декабря простились.

Мария Николаевна. А сегодня еще раз простимся — в записи, ведь это главное событие 1989 года.

Драматург. А я думал, прощание с академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым 17 декабря — главное событие.

Мария Николаевна. Говорят, через год Юрий Андреевич Лонго мертвеца оживлять будет. А прямо сейчас Анатолий Михайлович нам установку дает. Тихо сиди, не мешай, не шурши бумагой, не скрипи ручкой.

На сцене зала Центрального телевидения столик, за которым сидит Анатолий Михайлович. Полный зал людей. Кажется, уже все это привычно. И в то же время каждый раз ощущение необычности и значительности происходящего.

Кашпировский (*звучит как эпитафия*). Не пришло время моему современнику понимать мое дело. Его время давать только, благодаря ему, гениальные результаты. И в знак благодарности повторять по этому поводу дурные и глупые мнения невежд.

Мария Николаевна. Ой, я сейчас описаюсь от волнения. А ты?

Драматург. А я — нет.

Мария Николаевна. До чего же бесчувственное существо, хоть и Драматург.

Кашпировский. Здравствуйте, уважаемые телезрители! Я не знаю ничего интереснее **на белом свете**, чем телепсихотерапия. Телепсихотерапия — **великая сила**. Впрочем, «телепсихотерапия» — это неправильное название. Скорее всего, надо называть ее просто психотерапией. А то, что эта дисциплина пользуется новейшим достижением техники, каким является телевидение, так это вполне естественно и правильно. Это настолько очевидно, что мне непонятно, как можно удивляться или возмущаться этим? Но, как сказал Гете: «труднее всего видеть то, что у нас перед глазами».

*Объектив камеры показывает зрительный зал, заполненный людьми. Как всегда, камера ведет наблюдение как за общей **ситуацией** и реакцией зала, так и за отдельными участниками. Вот мы видим на экране задумчивое лицо Машеньки. А вот группа сосредоточенных пожилых людей. Не любопытствующая публика. Глубоко заинтересованная, страждущая и жаждущая этой **встречи** с пьесой публика.*

Кашпировский. Теперь мы приступим к заключительному акту нашего спектакля, к нашему, так называемому, сеансу. Внимание миллионов людей приковано сейчас к проблемам театра. С самого начала строго-настрого дайте себе установку: когда заканчивается спектакль, вы полностью в норме! Я этого желаю, жажду, требую и внушаю! Не требуется, чтобы вы торжественно, сосредоточенно смотрели на сцену, что-то требовали от себя и от спектакля. Сидящие здесь, в зале, закройте глаза — не надо на сцену смотреть, там нет ничего интересного. Если вы, все же, просто сидите и смотрите, и с любопытством думаете, что будет в спектакле дальше, меня тоже это устраивает. Я надеюсь на то, что вы избрали удобную позу, и что вы находитесь в таком положении, что вам ничто не угрожает. Не требуется ваша привязанность к какой-то позе, к какому-то положению... Я заметил, что чем легче прикосновение к вашей тайне, — соприкосновение наших двух тайн, — тем больший получается эффект от спектакля, в плане излечения.

Драматург. Дорогая, можно я пойду уже, хоть часок поработаю над финалом пьесы — **когда я один**, мне лучше работается (*поднимается, хочет уйти*).

Мария Николаевна. Сидеть! Анатолий Михайлович сейчас именно тебе установку давать будет и именно на финал пьесы.

Кашпировский. Вы ждете от меня, что я начну давать Вам установку закончить пьесу, что буду пояснять, что у вас проходит творческий кризис, у вас проходит отчаяние. Я это никогда не говорю. Моя задача — не усиливать, а ослаблять, не подстегивать, а сдерживать. Не хочу говорить лишних слов, не хочу обещать золотые горы — эти слова скажете Вы, об этом вы напишите в своей пьесе. Пьеса тогда, когда нет пьесы. Ваш метод — в отсутствии метода. Не старайтесь быть очень старательным. Пускай с героями делается то, что делается. Все пьесы хороши, даже плохие, даже Ваши. Лучший способ попасть в театр — это не попадать. И тогда Вы попадете. У нас не театр, а коррекция, выправление, **воспоминание**.

Пауза.

Вам предстоит весь спектакль побыть в одиночестве. Вы скажете: я ведь так одинок. Это не то одиночество — это другое. Это — высшее одиночество. Никто не будет кричать и плакать громко, многие актеры и зрители уже в движении; есть такие, которые уже сейчас ходят по залу.

Драматург встает, начинает ходить перед телевизором, спускается в зал, возвращается к телевизору.

Мария Николаевна. Да хватит тебе уже маячить перед экраном, мешаешь.

Кашпировский. Если бы мы все увидели, сколько сотен людей в эту же секунду освободились в театре от своих недугов, мы все бы плакали. В нашем спектакле я создам обстановку на исцеление. Я бы хотел вашей пьесой успокоить тех, кто некомпетентен, и я бы хотел успокоить тех, кто считает себя компетентным. У самых больных зрителей проходит то, что практически никогда не проходило. У очень многих из вас пройдет слишком многое. Чего стоит только слово актера, один только намек на то, что сейчас тысячи людей расстались с болью!

Пауза.

Итак, считаю, и мы немножко так протянем время для того, чтобы зафиксировать у вас мгновение, которое является первым звеном вашего катарсиса.

1, 2, 3, 4, 5... Есть те, кто стал взмахивать руками.

Мария Николаевна начинает взмахивать руками.

Ваши взмахи очень легкие, красивые и очень быстро прекратятся. Практически уже прекратились. 5, 6, 7, 8, 9, 10... Я ловлю себя на мысли: то, что я делаю, тоже может быть трансформировано. Не обязательно мне считать... Наши спектакли будут меняться по своему содержанию и по своей форме. 12, 13, 14, 15...

Мы тоже кое-что взяли у вас, из вашей почты, ваших сообщений. Отсюда и **обратная связь**, и некоторые изменения в проведении сегодняшнего нашего спектакля. И еще: я снова вспомнил об идее **доброты**. Я внушаю вам самое хорошее, теплое отношение друг к другу и огромную выдержку в любых **ситуациях** — и в больших, и в малых делах. Во всем! Я внушаю вам это.

Все идет хорошо. Все идет прекрасно! Наш спектакль протекает великолепно! Он протекает очень правильно, я чувствую это. Я близок к идеальному варианту.

Маленькая пауза.

Побудьте в таком состоянии, в каком вы есть. Хладнокровно оценивайте все, что происходит с талантливыми актерами. Я имею в виду тех, кто своеобразно реагирует, кто испытывал видения, кто двигался. Это талантливые люди. Не мешайте им это проявлять. Они это проявляют сегодня гораздо мягче и спокойнее. Они тоже стали на порядок выше в этом. Необходимая сценическая доминанта зафиксировалась у вас, но вы не заметили когда и как. Впрочем, эта моя фраза является излишней.

Пауза.

Я жду ваших сообщений о том, что у многих произойдут буквально чудесные исцеления. Театр творит **чудеса** — чудеса творят театр. Считаю — по ходу пьесы ваше состояние углубится, получит новые краски, а многие испытают красочные ощущения, у некоторых перед глазами — уже не мои глаза, а море, облака, а может быть наплыв мыслей. Не заставляйте себя испытывать то, что уже начало возникать. Что с блеском не может длиться вечно — это молчание.

Пауза.

Все закончится только тогда, когда закончится. Но ничто не кончается, когда кончается. Наш сегодняшний спектакль напоминает мне натянутую тетиву лука. Остается только выстрелить. Даю установку на финал пьесы...

Сцена 8. Кухонная

На кухне в квартире Драматурга дым коромыслом. На кухне несколько женщин, школьники. Хапугин с гитарой. Горят все конфорки газовой плиты и духовка — жарко и душно. Все что-то режут, помешивают на плите. накладывают на блюда — в общем царит предновогодняя кутерьма. Входит Драматург.

Драматург. Ну и жара. У вас тут прямо печное действо.

Мария Николаевна. Вот и я говорю, — действовать надо, действовать, а не жить в своих театральных фантазиях.

Драматург. *Primum Agere*, как говорили древние.

Мария Николаевна. Одну пьесу годами пишешь, сплошной бег на месте. И выходит не пойми что, курам на смех... Вот господин Хапугин все необходимое для праздника принес: поросенка, гуся, уток, осетрину, икру, коньяк, французское шампанское, Чинзано, ананасы. Прямо, царское угощение... А ты что в дом притащил?

Маша. Синюшную курицу и гнилые мандарины.

Хапугин *(напевает)*. Цыпленки тоже хотят жить.

Драматург *(с обидой)*. Не только. Еще две бутылки водки.

Маша. По талонам.

Мария Николаевна *(с иронией)*. Ну надо же.

Маша. Кто бы сомневался.

Мария. Ну вот, еще пятнадцать минут и курица готова. И вовсе она не синюшная. Я травы туда по старинному рецепту добавила — чувствуете, дух какой идет.

Мария Николаевна *(Марии)*. Не надо его *(кивает на Драматурга)* выгораживать. *(Всем.)* Несмотря на курицу и мандарины, новогодний праздник у нас удачно складывается, закусок полно, море открыток и телеграмм, телефон разрывается, гости уже почти все собрались и почти все трезвые. А елка — какая у нас колоссальная, нарядная чудесная елка, не то, что, елка у Ивановых.

Хапугин. Кто такие?

Мария Николаевна. Наши соседи, к сожалению. Не повезло нам с соседями — то елка, то самоубийца.

Мария. Архангел Михаил со святыми угодниками! Спаси и сохрани!

Мария Николаевна. И всю лестничную клетку прокурили. Эти семьи Владимировых, Волковых, Вороновых, Журбиных, Ковровых, Лутониных, Овсянниковых, Плахова.

Драматург *(с иронией)*. А еще жители советского дома называются.

Хапугин. Ничего, в новом году у вас новые соседи будут. (*Встает, ставит ногу на табурет, играет на гитаре, поет.*)

Синяя крона, малиновый ствол,
звяканье шишек зеленых.
Где-то по **комнатам** ветер прошел:
там поздравляли влюбленных.
Где-то он старые струны задел —
тянется их перекличка...
Вот и январь накатил-налетел,
бешеный как электричка.

Мы в пух и прах наряжали тебя,
мы тебе верно служили.
Громко в картонные трубы трубя,
словно на подвиг спешили.
Даже поверилось где-то на миг
(знать, в простодушие сердечном):
женщины той очарованный лик
слит с твоим празднеством вечным.

Школьники подпевают.

В миг расставания, в час платежа,
в день увяданья **недели**
чем это стала ты нехороша?
Что они все, одурели?!
И утонченные как **соловьи**,
гордые, как гренадеры,
что же надежные руки свои
прячут твои кавалеры?

Нет бы собраться им — время унять,
нет бы им всем — расстараться...
Но начинают колеса стучать:
как тяжело расставаться!
Но начинается вновь суета.
Время по-своему судит.
И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.

Подпевают все.

И в суете тебя сняли с креста,
и воскресенья не будет.

Ель моя, Ель — уходящий олень,
зря ты, наверно, старалась:
женщины той осторожная **тень**
в хвое твоей затерялась!
Ель моя, Ель, словно Спас-на-крови,
твой **силуэт** отдаленный,
будто бы след удивленной **любви**,
вспыхнувшей, неуголенной.

Аплодисменты.

Мария Николаевна. **Жестокий романс.** Ангельское пение!

Драматург. Да уж. **Песенка песенок.**

Маша. **Драматическая песня.** Я брала **уроки музыки** и пения, понимаю в этом. Вы настоящий талант, Хапугин, — вы **человек, которого ждут.** Вам надо **концерты** давать. Полные Лужники бы собирали.

Хапугин. Я — деловой человек, человек бизнеса. А бизнес — тоже искусство. Но и большой труд — **24 часа в сутки...**

Мария Николаевна. Да уж, большой бизнес — **большие хлопоты.** Мой бы никогда бизнесом не смог бы заниматься. Ни большим, ни маленьким.

Хапугин (*подходит к буфету*). Какая у вас интересная посуда, я бы купил.

Мария Николаевна. **Глина и фарфор.**

Хапугин. **Женщина** податлива, как глина и хрупка, как фарфор.

Мария Николаевна. Это Гете сказал?

Хапугин. Нет. Это моя собственная мысль.

Мария Николаевна. Ну надо же!

Маша. Вам только пьесы писать. И непременно для МХАТа.

Хапугин. **Ла-фюнф ин дер люфт.**

Мария Николаевна. Не поняла.

Хапугин. Это я немецкий учу, чтобы Гете читать. (*Марии Николаевне, с напором.*) Не уступите посуду? Дам хороший прайс.

Мария Николаевна. Это, право, так неожиданно.

Маша. Сегодня **вечер неожиданностей**.

Мария Николаевна. Но отчего не уступить, коли человек хороший... Мне нравятся **энергичные люди**.

Маша. И правда, маменька, зачем нам это старье. Я бы уступила.

Мария (*Марии Николаевне, с горечью, зло*). Господи, да как же так?! Это же еще вашей бабушки посуда. (*Срывается на крик.*) **Совести** у тебя нет, Хапугин!

Мария Николаевна. Есть такой спектакль «**Диктатура совести**». Обязательно посмотрите. А на Машу не обижайтесь, что с нее, необразованной, взять. Впрочем, из жалованья я у нее обязательно вычту за грубость.

Хапугин (*Марии, весело*). А смотрит-то как! **Взгляд Медузы!** Прямо огнедышащий дракон! (*Напевает.*) **Я стою у ресторана: замуж — поздно, сдохнуть — рано...** А ты, старая, небось и в ресторане-то и не была. А если была, то в **угар** НЭПа.

Мария. И, вправду, старая. Мне кажется, что это мой последний Новый год, а может, и **последний вечер**. А посуду, все-таки не продавайте.

Мария Николаевна. **Вздор**, Маша! Не лезь не в свое дело, а упакуй посуду получше и **веревочкой** покрепче перевяжи. И, пожалуй, пора **пирог**и ставить, чтобы **после 12:00** сразу готовы были.

Хапугин (*Драматургу*). **Дорогой мой человек**, я сейчас в твоём кабинете посижу, мне надо с Марией Николаевной над документами поработать. А ты пока иди в спальню, вздремни до Нового года.

Драматург. С какими документами?

Мария Николаевна. А вот это тебя совершенно не касается.

Драматург. Да и не хочу я спать.

Хапугин (*Драматургу*). И распорядитесь в кабинет коньячку подать.

Драматург. Вот так и становлюсь у себя дома халдеем.

Мария. Вроде, зима, суббота перед Новым годом, весело должно быть. А кажется, что **Страстная неделя**.

Сцена 9. Постельная

Спальня Драматурга. Он лежит на кровати, видимо, спит. Входит Ефремов, затем персонажи сыгранных им театральных ролей.

Ефремов. Спишь, малыш? Ну, спи-спи, а мне еще в театр надо (*Уходит.*)

Входит Мольер в колпаке, в белье.

Мольер (*Драматургу*). С чего ты взял, что я тебя люблю? Ты болтун. (*В зал*.) Меня никто не любит. Меня все мучают и раздражают, за мной гоняются. И вышло распоряжение архиепископа не хоронить меня на кладбище... стало быть, все будут в ограде, а я околею за оградой. Так знайте, что я не нуждаюсь в их кладбище, плюю на это. (*Уходит*.)

Быстро входит Николай Павлович — Император Всероссийский.

Николай (*Драматургу и в зал*). Да разве вы стоите того, чтобы жить? Да и как вы смеее жить?! Что вас ожидает на том свете? Проклятие. Мнения людей вы можете презирать, но суд божий должен вас ужаснуть. (*Уходит*.)

Входит Александр Сергеевич Пушкин.

Пушкин (*себе*). Скучно. Как скучно... Так, что и слов нет. (*Уходит*.)

Входит Федор Иванович Бороздин.

Федор Иванович (*Драматургу*). Красенького?.. Выпьем молча за тех, кто молчит, сказав свое слово. (*Уходит*.)

Входит Жарков Андрей Трофимович.

Жарков (*в зал*). Нет пророка в своем отечестве. Не верят... Этот (*указывает на Драматурга*) особенно... Ты не заснул, а притворился спящим, вот в чем подлость. (*Уходит*.)

Входит Потапов.

Потапов (*в зал*). Здравствуйте, товарищи!.. (*Драматургу*.) Сразу начнем или можно присесть? (*Уходит*.)

Входит Зилов с ритуальным венком на шее.

Зилов (в зал). Эс-Эс-Эс-Эр. Первое место... А за что?.. (Кладет венок на живот спящего Драматурга, обращается к нему.) Тебе надо идти? (Уходит.)

Сцена 10. Праздничная

Снова большая комната с белыми обоями, белыми занавесками, антикварной мебелью — настоящая зала! На стенах живопись, на пьедесталах скульптуры: медная Екатерина II и мраморный Пегас. Уже все готово к празднику. Великолепная елка сияет огнями. Повсюду горят свечи, камин уже разожгли, часы на нем показывают двенадцатый час. На большом новогоднем столе стоят приборы. В зале много цветов, особенно бросается в глаза букет из девяти белых хризантем. Гости уже собрались — это самые разные персонажи, как знакомые нам по предыдущим сценам, так и новые, совершенно незнакомые люди. Начинается новогодняя ночь.

Входит Драматург.

Хапугин. Ба, знакомые все лица!.. Вот и наш друг — старомодный Драматург. Пишет вечным пером, а печатает на Ундервуде.

Драматург. Может, пьесы мои и старомодны, но не писать же их гусиным пером?

Хапугин. Пьесы надо писать на компьютере. Скажем, 104 страницы про любовь — вжик, и готово.

Мария Николаевна. Ему на компьютер за сто лет не заработать.

Маша. На любовь тоже.

Хапугин (Драматургу). Дорогуша, а продай мне свою пьесу! Самому писать — времени нету.

Драматург. У меня нет слов... Черный человек.

Хапугин (Драматургу). Если нет слов, нечего за пьесы браться. (Марии Николаевне.)

Муж у вас бирюк какой-то... Покажите-ка мне что у вас тут есть из предметов искусства.

Впрочем, вы и сами — произведение искусства, чисто Афродита.

Мария Николаевна (смуцается.) Меня всегда волнение охватывает... от искусства.

Хапугин. Ну что вы. Жена моего друга... мой друг.

Мария Николаевна. Это Гете сказал? (Подводит Хапугина к картине.) Вот посмотрите, портрет.

Хапугин. Что за портрет?

Мария Николаевна. Портрет девушки. Старинная работа, ретро, так сказать.

Хапугин. Такая живопись — **пережитки** прошлого. Почему?

Мария Николаевна. Это приданое нашей Машеньки. Она — **небесное создание**.

Хапугин (*усмехаясь*). Да уж, **богатая невеста**. Заверните.

Школьник. **Тили-тили-тесто**, жених и невеста.

Мария Николаевна. А если **ее сердце** отдано другому?.. К ней **женихи** в **очередь** выстраиваются, как за мебелью, по ночам номера сверяют... А вы женаты, господин Хапугин?

Хапугин. Я **вдовец**... Почти.

Мария Николаевна замечает Машеньку — актрису, непонятно как попавшую сюда.

Мария Николаевна. Вот так **встреча**, **нежданно-негаданно**. (*Драматургу.*) У нас что, **день открытых дверей**? Как ты посмел пригласить ее?

Драматург. Никого я не приглашал. Ты же всеми приглашениями занимаешься.

Мария Николаевна. Да, но это **родные люди**, **мои знакомые**... Все — **порядочные люди**, **старые друзья**. А это кто?

Хапугин. Не имей **сто друзей**, а имей сто долларов США... Это я пригласил нашу несравненную Машеньку.

Мария Николаевна. И правильно сделали. Мы же с вами — **современные люди**. (*Машеньке.*) Ладно, **милочка**, оставайтесь.

Идут к следующей картине.

Мария Николаевна. Вот еще одна картина.

Хапугин. А это что за мазня? (*В сторону.*) **Да тут золотое дно**. Хорошо устроились, прямо «**Гнездо глухаря**».

Мария Николаевна. **Три девушки в голубом**. Современный художник, **авангард**, так сказать. На **аукционе** товар куплен!

Хапугин. У меня — **широкая натура**. Раз три девушки, беру три! Но раз три — значит, оптом. Раз оптом — значит, дешевле. Почему?.. Заверните.

Подходят к скульптуре.

Хапугин. А это что за престарелая нимфа?

Мария Николаевна. Это копия скульптуры Екатерины II — «**Медная бабушка**».

Хапугин. Почему? Заверните.

Идут дальше.

Мария Николаевна. А это...

Хапугин. Лошадь с крыльями, сам вижу. Почему?.. Заверните... Еще есть что?

Мария Николаевна. У мужа коллекция медных монет и колокола.

Хапугин. Я предпочитаю благородный металл. Ладно, только ради вас, возьму на вес.

Маша (Хапугину). Что вы все о делах, да о делах, сегодня же Новый год — день отдыха. (Все.) Господа, давайте-ка сыграем в какую-нибудь игру перед ужином.

Все надевают маски, начинаются ночные забавы: игра в жмурки, игра в фанты, игра в мяч, игра в серсо, игра без правил, игра в одинокую женщину, жестокие и опасные игры, двойная игра, королевские игры, лакейские игры, игра в плаху.

Маша. А теперь давайте сыграем в игру «Анкета на новый год».

Все. Как это?

Маша. Придумывается несколько вопросов, например, семь. Каждый вопрос — что случится или не случится в новом 1990 году, что будет с нами, со страной.

Вопросы новогодней анкеты на 1990 год и некоторые ответы:

1. Кем вы будете в новом году — блондинкой или брюнеткой?

Пегой. Полосатой. Лысым.

2. Выйдет ли Машенька замуж в следующем году?

Какая именно Машенька? Один раз, еще раз, еще много-много раз.

3. Отменят ли в новом году талоны?

Все ждут! Отменят не только талоны, но и продукты по ним. С Хапугиным никакие талоны не нужны.

4. Разрешат ли продавать алкоголь до 14 часов?

У вас только водка на уме. Почему до сих пор не ввели «сухой» закон? Мне все равно, в новом году бросаю пить.

5. Утратит ли КПСС руководящую роль?

Я верю Горбачеву. Уже утратила. Так и будет.

6. Распадется ли СССР в 1990 году?

Все может быть. Возможны варианты. Да, будет крушение. Как карточный домик. Это будет последний год СССР. Взять Машу на карандаш.

7. Окончит ли Драматург свою пьесу?

Это шутка? Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем драматургу попасть в театр...

Начинают накрывать стол.

Мария Николаевна. Двенадцатый час уже. Прошу за стол.

Ах, этот за старый добрый советский новогодний стол, ломящийся от вкусной, здоровой и не очень здоровой пищи, всевозможных напитков в бутылках из-под минеральной воды.

Все рассаживаются. Во главе стола сидит Драматург, между Марией Николаевной и Машей — Ханугин.

Драматург. Прошу слова! Товарищи, минуту внимания! Я, как тамада, хочу сделать важное объявление *перед ужином*. Как вы прекрасно знаете, вся наша страна испокон веков непрерывно борется с пьянством и алкоголизмом. Не должна стать исключением и эта *новогодняя ночь*.

СП (*в сторону*). Ему не пьесы надо писать, а выступления на партийном активе.

Драматург. Прошу вас запомнить, что в какой бутылке находится, и не перепутать напитки, а также, по возможности, не смешивать их. Итак.

Эссендуки-2 — водка «Московская».

Эссендуки-4 — водка «Посольская».

Эссендуки-17 — водка «Золотое кольцо».

Эссендуки-20, тут прошу быть особенно внимательными, это — «Эссендуки-4», а не «Эссендуки-20» и не водка.

Напиток «Байкал» — коньяк армянский «Наири».

Напиток «Гархун», тут даже ребенок не перепутает, — ликер «Шартрез».

Морс, как вы понимаете, — «Алазанская долина».

Пепси-Кола — особое украшение нашего стола — *вино урожая тридцатого года*.

Крюшон — дефицитный напиток-сюрприз — «Чинзано».

И, конечно, какой Новый год без советского Лимонада, — это шампанское.

*Голоса: Вот и настало время утоления жажды. Процесс пошел. Ну и ну! Затежник!
Шутник! Святая ложь. Богатый, можно сказать, великий выбор. Это предел моих
желаний. Рай для грешных. Продолжение следует? Что скажут завтра?
Что случилось 31-го?*

Мария Николаевна. Ну, давайте, наконец, выпьем за Старый год, устроим его **проводы** и вспомним самое лучшее и важное.

Сотрудник (*достаёт фотоаппарат*). Один момент. Фото на память. **Спокойно, снимаю!**

Драматург. За прошедший год закончил десятую картину третьего акта своей пьесы. Так что, осталось только написать финал и придумать название.

Школьник. После сеансов Кашпировского перестал писать в постель.

Секретарь парткома. За отчетный год — **99%**.

Хапугин. Я открыл кооперативное кафе.

Школьник. Ой, тетенька, а где тут у вас?

М.Н. **В конце коридора.**

Сотрудник. Моя работа не позволяет говорить о наших достижениях.

Машенька. Войска вывели из Афганистана.

Мария. Сыночка схоронила.

Хапугин. Не праздник, а **вечер воспоминаний**, какой-то.

Мария Николаевна. Только **ночных исповедей** нам не хватало.

Драматург (*с иронией*). Да уж. **Незабываемый вечер.**

Мария Николаевна. **Ну и вечер!**

Маша. 30 ноября 1989 года в Москве открылся магазин французской парфюмерной фирмы «Кристиан Диор», а еще я наконец-то встретила свою **первую любовь**,

Машенька. Я, наконец-то, встретила свою **вторую любовь**.

Мария Николаевна. Я, наконец-то, встретила свою **безумную любовь**.

Хапугин. Купил «Mercedes-Benz W114».

Секретарь парткома. Да, это вам не моя **персональная машина**, не «Волга» какая-нибудь.

Сотрудник. Так это ваша иномарка, товарищ Хапугин? А я уж думал Ефремов приехал.

*Ровно в полночь ударили часы: бой часов на камине и бой **кремлевских курантов**.*

*Возгласы: С Новым годом! С **новым счастьем!** Осторожно, **пена**. За новые времена!*

*За **новых людей!** Желаю вам! И вам!..*

На телевизионном экране появляется Олег Ефремов.

Ефремов. Пусть время летит и тянется жизнь... Хороших вам мыслей, инженеры и писатели. Прекрасных вам аргументов теории и прекрасных вам фактов, практики. Чутких вам пальцев хирурги и наладчики. Крепких вам ног, танцоры и токари. Тонкого чувства меры вам, кулинары и юмористы. Вкусного нам стола, повара и животноводы. Легкой нам одежды, модельеры и хлопкоробы. Крепкого нам здоровья, доктора и виноделы. Терпения, терпения и терпения нам, мужа и жены. А всем нам удовольствия от работы, наслаждения от личной жизни и немного юмора, чтобы вспомнить о себе.

Школьник. Ой, тетенька, а где тут у вас?

Мария Николаевна. В конце коридора.

Выбегает, чуть не сталкивается с Марией, которая несет поросенка — молочного, но довольно большого.

Хапугин. Поросенок — прямо из «Националя», лично шеф-повар готовил, нафаршировал яблоками и черносливом.

Мария Николаевна. Ну надо же.

Хапугин (*наклоняясь к Маше*). Какое чудесное розовое ушко.

Маша (*кокетливо*). Не смущайте девушку.

Мария Николаевна. Маша — строгая девушка, вся в меня.

Хапугин. Яблочко от яблони, понимаю... А я-то про поросенка. Ха-ха.

Секретарь парткома. Да, славный кабанчик.

Сотрудник. Не свинья, а настоящее блаженство.

Мария Николаевна. Угощайтесь. Есть еще дичь — утки прямо с утиной охоты принесли, караси в сметане, раки... (*Хапугину*.) Что желаете, месье Хапугин?

Хапугин. Все накладывайте.

Мария Николаевна. Вам бифштекс с кровью?

Драматург. Здесь все с кровью.

Хапугин ест и пьет.

Маша. Вам добавить минеральной воды или, может быть, морса?

Мария Николаевна. Еще что-нибудь не желаете?

Хапугин (*Марии Николаевне*). Уф, хорошо, пока хватит. Спасибо дому сему и его хозяйке.

Сотрудник. А, я, пожалуй, курицу еще буду, уж очень запах аппетитный.

Мария Николаевна (*с иронией*). Ее мой добытчик принес.

Секретарь парткома. Эту курицу ему вчера директор нашей столовой после поминок оставил.

Драматург. Все остается людям.

Хапугин. Ну, за тех, кто в море! (*Драматургу.*) А у меня для вас новогодний подарок, так сказать, **ночное чудо в семейном кругу**. Завтра, а точнее уже сегодня, вы, уважаемый драматург, и Машенька, в смысле, Мария Николаевна, переезжаете из ненавистного всеми «сталинского» **дома в центре города**, можно сказать из **барака**, в тихий зеленый район Ясенево.

Драматург (*Смотрит на часы*). **Ноль часов девятнадцать минут**. Сегодня? В смысле, переезжаем?

Хапугин. Мария Николаевна, уговорила произвести невыгодный для меня **обмен** этой вашей старой-престарой квартиры на мою почти новую. С доплатой, естественно.

Драматург. А как же моя пьеса? Я же ее не закончил.

Мария Николаевна. Как же ты мне надоел мне со своей пьесой. Всем надоел.

Драматург (*Марии Николаевне*). Маша, а как же наша **любовь**?

Мария Николаевна. Сколько раз ему говорила, что у нас в доме все трубы проржавели.

Хапугин. **Любовь и жилплощадь** — вещи несовместные.

Маша. Это Гете сказал?

Хапугин. **Дружба** дружбой, а квадратные метры врозь. Квартира полностью принадлежит Марии Николаевне, так как получена по **завещанию**, а вы, мил человек — не **наследник**, и до сих пор прописаны в коммуналке, чтобы жилье там не потерять. **16 кв. аршин** — по-старому.

Сотрудник. **Любовь без прописки** — не любовь.

Мария Николаевна. Да. Ты проживал как **квартирант**. А жили мы, как **соседи по квартире**.

Драматург (*задыхаясь*). Вы, вы...

Хапугин (*начиная злиться*). Прекращайте ваш **супружеский спор**. И не надо, **братишка**, устраивать **борьбу за жилплощадь**.

Секретарь парткома. Тем более в новогоднюю ночь.

Сотрудник. Ничего противозаконного в сделке не вижу, все **по закону**.

Драматург. Вы, вы... **Заинтересованное лицо**.

Мария. Налетели, как **саранча**.

Хапугин. Пожалуйста **ключи от квартиры**.

Драматург. Это **заговор**.

Секретарь парткома. Неужели непонятно?

Мария. Изыди, нечистая сила!

Драматург. Вот и пришел час расплаты.

Хапугин. Ну что за несносный характер.

Драматург. Вы, вы... *(пытается схватить Хапугина за пиджак).*

Хапугин. А не хулиган ли вы, гражданин?

Секретарь парткома. Хулиган, а не Драматург.

Драматург. Вы, вы...

Хапугин. У, сколько ненависти, пощечину еще дайте.

Драматург. Вы, вы...

Хапугин. Это, однако, дерзость. Может, ты еще на дуэль меня вызовешь? На поединок, так сказать... Да не переживаете вы так, золотой человек. Ясенево — отличное место! *(Напевает.)* «Я спросил у ясеня...».

Секретарь парткома. Там рядом санаторий «Узкое» — творческое место, разные академики и писатели отдыхают возле старых ясеней в парке. Пьесу враз закончите.

Драматург *(кричит).* Вранье! Нет там никаких ясеней.

Секретарь парткома. Как дикари, право. Вы переходите красную линию.

Машенька. У него же нервный срыв, вы разве не видите?

Мария. Безумный год настает. В жестокий век мы вступаем.

Сотрудник. Нету, так нету. Но нервишки там поправите. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Школьник. А еще в Ясенево — лыжники. Вот, например, здесь у Покровских ворот лыжников нет... Переезжайте, дяденька драматург, не пожалеете.

Машенька. Это самое главное... Я хотела сказать не лыжники, а нервы поправить — главное.

Школьник. И Палеонтологический музей рядом.

Драматург *(Марии Николаевне).* Они нас уже в ископаемые записали... Впрочем, мы и есть советские динозавры и скоро выйдем со всеми своими советскими драмами.

Школьник. Салют динозаврам!

Хапугин. Да какие вы динозавры? Домашние клопы. Или червяки в саду.

Мария Николаевна *(вдруг начинает плакать).* Дом-то этот хоть и сталинский, но это мой отчий дом, мой родной дом, свой дом, старый дом... Этот старый милый дом. Потерянный дом.

Секретарь парткома. Вы еще про духов дома расскажите.

Мария Николаевна (*рыдает*). А старые дома, как старые люди... Как же так, жили-жили, и вдруг все рассыпалось, как карточный домик... Я теряю точку опоры.

Драматург. Это судьба. И пойдем, Маша, и пойдем. Дальше, дальше, дальше... Будем жить как изгнанники. Это будет нам испытание. И покоя не будет нам нигде.

Мария Николаевна. Нам остается только сесть на холодную скамейку, обняться и заплакать.

Хапугин. Заканчивайте эту вашу старомодную комедию.

Секретарь парткома. Или современную мелодраму. Этих драматургов не поймешь. Смех и слезы.

Машенька. Может на новом месте ваша жизнь начнется снова. У вас появится второе дыхание.

Мария. С любимыми не расставайтесь.

Хапугин (*Марии Николаевне*). Ну матушка, хватит плакать, назад уже ничего не вернешь. Положение обязывает. Москва слезам не верит. Опоздали. Как говорится, обжалованию не подлежит... (*Мария Николаевна чуть не воет*.) Да не убивайтесь вы так, женщина! В Ясенево, как и здесь, — последний этаж, если что и поностальгировать можно. А вид — что за чудесный вид — как с вавилонской башни, в хорошем смысле этого слова. Дом-то в целых девять этажей, не то, что этот — в шесть.

Мария Николаевна (*перестает плакать*). Ну надо же! Правда?

Драматург. Так ты новой квартиры не видела?

Мария Николаевна. Нет. Я господину Хапугину на слово верю. Ведь он бизнесмен, а бизнес — это, прежде всего, доверие.

Хапугин. Даю голову на отсечение.

Маша. Я Хапугину тоже верю. Они мне подарок на день рождения обещали — перстенок. Я самая счастливая... Я вся в ожидании. Неужели, сегодня я стану женщиной?.. Счастье начинается сегодня. Здравствуй, жизнь!

Хапугин (*Драматургу*). Помилуйте-с, я честный человек, у меня доброе имя и безупречная репутация. А вот и документы на жилище (*показывает издаലെка*). Ясенево, 2-й микрорайон, Новоясеневский проспект 14, корпус 2, квартира 69, Типовая серия П-49 (модификация П-49/М вариант Д).

Школьник. Дядя Драматург, надо же как вам повезло с адресом. Есть такая пьеса «Бронепоезд 14-69», а ваш адрес будет тоже 14-69. Очень легко запомнить!.. Ой, тетенька, а где тут у вас?

Мария Николаевна. В конце коридора.

Хапугин. Отличная двухкомнатная квартира. И доплатить за нее всего-ничего нужно, а если у вас денег нет, могу в **долг** дать под разумный процент, или «Жигулями» взять, считай, тебе и **вантаж** выйдет. Надеюсь, пригласите на **новоселье**.

Мария (Драматургу). Вот **ловкач**... Ох, тяжелы **долги наши**... Я немного денег скопила, могу вам дать безо всяких процентов. А как за пьесу гонорар получите, отдадите.

Хапугин. Так у тебя какая модель?

Драматург (машинально). **Тройка.** (С полным недоумением.) А почему квартира двушка? Этот **обмен** — **обман**. Нас же трое — я, Маша и Машенька... И Мария... У каждого должна быть своя **комната**.

Хапугин. Не беспокойтесь, Машенька пока останется в этой квартире.

Никакой немой сцены.

Мария (почти кричит). Кто хочет чаю?!

Хапугин. **Чай пить** — **не дрова рубить**. Но я, **на данном этапе**, «Ессентуками-14» освежусь. Прямо не минералка, а **живая вода**.

Мария Николаевна. Я вам сейчас холодненькую бутылочку принесу.

Драматург. Мне тоже «Ессентуки».

Мария Николаевна. Может хватит, хорош уже. Будешь чай пить — и точка!

Школьник. Тетенька! Если пить «Ессентуки», **камни в печени** не образуются.

Драматург. Мамочка, ну накапай немного минералки. У меня же **катаракта**, а «Ессентуки» от катаракты первейшее средство.

Мария Николаевна. Не надо мне тут устраивать **бурю в стакане воды**. Я сказала чай, значит чай.

Хапугин. **Каждому свое**. Да налей ты ему уже, **много ли человеку надо**.

Секретарь парткома. А я, пожалуй, еще лимонаду выпью.

Школьники. Нам тоже лимонаду.

Мария. **Молодой человек**, **детям до шестнадцати лет**... не положено!

Школьники. Мы уже **взрослые дети**! Мы почти **совершеннолетние**.

Мария. **Дети мои, дети**...

Маша. **Опасный возраст**.

Секретарь парткома. **Трудный возраст**.

Машенька. Мне, пожалуйста, «Ессентуки-20».

Мария Николаевна. Добавлю-ка в чашку напиток «Тархун».

Сотрудник. А я чай с «Байкалом» буду.

Маша. А я буду «Чинзано»!

Драматург. Что ты будешь?!

Маша (*четко выговаривая*). Чин-за-но. Нам надоела ваша игра словами, сплошное лицемерие и фальшь — дома и на сцене. **Маски долой!**

Мария Николаевна. Доча, пойми, — это **ложь для узкого круга**.

Драматург. Не люблю **разговоры за чаем**.

Секретарь парткома. Пирог получился чудо, прямо **воздушный пирог**.

Мария Николаевна (*Хапугину*). Разрешите я вам отрежу кусочек, у меня **легкая рука**.

Сотрудник. **Обыкновенное чудо**.

Драматург. Да, **обыкновенное чудо**.

Мария Николаевна. Вот **шоколад**. Швейцарский, его господин Хапугин принес. Кто хочет?

Маша. **Мы хотим танцевать!**

*К концу подходит **новогодняя ночь**. Заканчивается «Голубой огонек», в финале которого звучит песня Владимира Матецкого и Михаила Шаброва «Друзья остаются друзьями», все танцуют — на экране телевизора, на сцене и в зале.*

Кажется, сто лет не встречал рассвет,
Не смотрел на звезды в полночь.
Я живу, как все, в суете сует,
Адресов друзей не помню.

Припев:

Но **друзья остаются друзьями**,
И они в трудный час, как всегда, вместе с нами.
Можем мы не встречаться годами,
Но **друзья остаются друзьями**.

Олег Ефремов, Алла Пугачева, другие участники «Голубых огоньков», появляются на сцене. А, возможно, это герои последней советской драмы переходят на телевизионный экран. Стирается грань между сценой и телевизором, жизнью и театром, вымыслом и действительностью, капитализмом и коммунизмом, добром и злом, раем и адом.

Таят дни, как **дым**, и совсем другим
Все становится на свете.
Знаю, что не раз я бывал не прав,
Зря держал обиду в сердце.

Припев (2):

Но друзья остаются друзьями,
И они в трудный час, как всегда, вместе с нами.
Можем мы не встречаться годами,
Но друзья остаются друзьями.

Хапугин (*всем*). Ну, погуляли **друзья**, и хватит, пора и **честь** знать, — по **домам** и спать. Я тоже ложусь в **кровать**, хотя и трудно будет заснуть на новом месте. (*Драматургу*.) Дорогуша, а ты перед Новым годом выспался, так что, иди пьесу дописывай, а если что, прямо в кабинете и вздремнешь — там диван удобный, широкий. Но смотри не проспай, **завтра с утра** съезжать отсюда на новую квартиру, готовься, так сказать к **утренней жертве**. (*В зал.*) Ну а вы чего расселись?

Сцена 11. Финальная

1 января 1990 года, 6 часов утра, понедельник.

В чужом кабинете за пустым письменным столом — один Драматург с закрытыми глазами. Не понятно, он еще спит или уже умер. Из радиоприемника слышен гимн СССР.

В зале и на сцене все, кроме Драматурга, встают.

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей **народов**
Единый, могучий Советский Союз!

Припев:

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от **победы** к **победе** ведет!

Актеры подпевают.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И **Ленин** великий нам **путь** озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность **народу**
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Припев:

Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Актеры и зрители подпевают.

Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведем!

Припев:

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Занавес.

Литература

1. Анатолий Кашпировский : Официальный сайт. URL: <https://www.kashpirovskiy.com>
2. Аникст. А.А. История учений о драме : Теория драмы от Гегеля до Маркса. Москва, 1983.
3. Венявкин И.Г. Чернильница хозяина: советский писатель внутри Большого террора : [журнальный вариант]. Москва, 2016.
4. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х - начала 1930-х годов. Москва, 2008.
5. Евреинов Н.Н. Театр и эшафот // Тайные пружины искусства. — Москва, 2004.
6. Ефремов О.Н. Все непросто... : Статьи. Выступления. Беседы. Документы. Москва, 1992.
7. Забытые пьесы 1920 - 1930-х годов: [сборник]. Москва, 2014.
8. Киселев Н.Н. Проблемы советской комедии. Томск, 1973.
9. О контроле за зрелищами и репертуаром: Офиц. сборник положений, инструкций и распоряжений ГУРК. Москва, 1935.
10. Олег Ефремов : настоящий строитель театра. Москва, 2011.
11. Очерки истории русской советской драматургии: В 3 т. Ленинград, 1963-1968.
12. Парадокс о драме : Перечитывая пьесы 1920-1930-х гг. : [Сборник] Москва, 1993.
13. Последовательность событий Страстной седмицы : [схемы и таблицы]. URL: <https://azbyka.ru/shemy/posledovatelnost-sobytij-strastnoj-sedmicy.shtml>
14. Раззаков, Ф.И. Ефремовы. Без ретуши : актерская династия. М., 2015.
15. Репертуарный справочник. Москва, 1950.
16. Репертуарный указатель ГРК: [Список разрешенных и запрещенных к исполнению на сцене произведений]. Москва, 1929.
17. Руднев П.А. Драма памяти: очерки истории российской драматургии : 1950-2010-е. Москва, 2018.
18. Словин Р.С. Транспортный вариант. Москва, 1984.
19. Советские драматурги о своем творчестве: Сборник статей. Москва, 1967.
20. Советское телевидение: Гостелерадиофонд. URL: <https://www.youtube.com/@gtrftv>
21. Театр... время перемен : Сборник. Москва, 1987.
22. Туберовский А.М. Воскресение Христово : (Опыт мист. идеологии пасх. догмата). Санкт-Петербург, 1998.
23. Углов. Ф.Г. Из плена иллюзий : [О борьбе с алкоголизмом]. Москва, 1986.
24. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Москва, 1995-1999.
25. Церковные соборы и святые отцы о театре. URL: <https://vetrovo.ru/inoi/svyatyje-o-teatre>
26. Черникова Е.В. Олег Ефремов. Человек-театр : роман-диалог. Москва, 2020.